

Валентин Красногоров

Фуршет после премьеры

Черная комедия в двух действиях

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на пьесу защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат автору. Запрещается ее издание и переиздание, размножение, публичное исполнение, помещение спектаклей по ней в интернет, экранизация, перевод на иностранные языки, внесение изменений в текст пьесы при постановке (в том числе изменение названия) без письменного разрешения автора.

[Полные тексты всех пьес, рецензии, список постановок](http://krasnogorov.com/)
<http://krasnogorov.com/>

Контакты:

Тел. +7-951-689-3-689
(972)-53-527-4146, (972) 53-527-4142

e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com

Сайт: <http://krasnogorov.com/>

-© Валентин Красногоров

Аннотация

В театре только что сыграли долгожданную премьеру – шекспировского «Отелло». Актеры – исполнители главных ролей остаются после спектакля, чтобы в дружеском кругу отпраздновать это событие. Однако праздник омрачается загадочной смертью одного из персонажей, причем есть подозрение, что в этом может быть замешан кто-то из участников спектакля. То мрачный, то веселый юмор, детективная интрига, крутые повороты сюжета и неожиданный финал приковывают внимание зрителя до самой последней реплики.

Из отзывов:

«Пьеса драматурга Валентина Красногорова «Фуршет после премьеры», на мой взгляд, это лучшая современная пьеса. Он настолько уловил дух времени, со всем хаосом и торжеством хамства, что, конечно, я тут же решил – надо ставить. И актеры тут же загорелись. Как в капле воды отражается море, океан, небо, так и в капле жизни каждого театра отражается жизнь страны. В этой пьесе и с юмором, и с грустью дается анализ сегодняшнего состояния нашего общества. Она универсальна как для России, так и для любой другой страны мира. Я всегда ставил тех, кого страна не принимала сразу. Говорю об этом с гордостью.

Эта пьеса о нашей системе общества, его структуре. Она лучшая на эту тему, потому что театр — это отражение сегодняшнего дня, движение всех идеологических, человеческих отношений в обществе, его разобщения, тупости, всего, что есть вокруг в этой жизни. Необходимо учиться (и здесь театр — лучший наставник) смотреть прямо в глаза правде жизни».

Роман Виктюк.

"А начинается всё с... финала «Отелло». Классические шекспировские строки, пышные костюмы эпохи Возрождения, могучие руки мавра, с остервенением душащего жену, взмах кинжала, мертвецы, рыдания... И финальный поклон актёров, отыгравших премьерный спектакль. А дальше начинается всё самое интересное. Невероятное переплетение чёрной комедии и детектива. Великолепные, искрящиеся юмором диалоги, шекспировские костюмы, которые так к лицу молодым актёрам, с изяществом и лёгкостью ведущим эту игру в игре, увлекают зрителя в запутанный и лживый водоворот закулисы.

Даже если вы никак не связаны с театром, то будете смеяться до слёз над нагромождением нелепых и анекдотичных ситуаций, в которых оказываются герои пьесы. Семь великолепно сделанных ролей и непредсказуемый сюжет держат внимание до самой последней реплики и заставляют зрителя строить самые невероятные предположения."

Ольга Севрюгина.

"Любите ли вы театр так, как люблю его я?"

В. Г. Белинский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Отелло

Яго

Кассио

Лодовико

Дездемона

Эмилия

Бьянка

Действие первое

Спальня Дездемоны в замке Отелло, главнокомандующего на Кипре. В глубине сцены кровать с полуздернутым пологом, ближе к авансцене стол и несколько стульев. Артисты в костюмах эпохи Возрождения играют знаменитую финальную сцену шекспировского шедевра. Она может показаться несколько длинной для нашей пьесы, но необходимость этого станет очевидной позднее. Дездемона в красивой ночной рубашке убирает на ночь перед зеркалом свои роскошные золотистые волосы. Эмилия помогает ей.

ДЕЗДЕМОНА.

Эмилия, боюсь мне не заснуть,
Предчувствие беды меня тревожит.

ЭМИЛИЯ.

Вот, здесь напиток из целебных трав,
Он принесет вам сон.

ДЕЗДЕМОНА. *(Пьет.)*

Спасибо, дорогая.

ЭМИЛИЯ.

Прощайте, госпожа. Спокойной ночи.

Эмилия уходит. Входит Отелло.

ОТЕЛЛО.

Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

ДЕЗДЕМОНА.

Да, дорогой мой.

ОТЕЛЛО.

Если у тебя
Есть неотмоленное преступленье,
Молись скорее же. Избави бог
Убить тебя, души не подготовив.

ДЕЗДЕМОНА.

Ты о моем убийстве говоришь?
Мне страшно.

ОТЕЛЛО.

О грехах своих подумай.

ДЕЗДЕМОНА.

Единственный мой грех – любовь к тебе.

ОТЕЛЛО.

Ты подарила Кассио на память

Подарок мой, платок.

ДЕЗДЕМОНА.

Неправда, нет!

Платка ему я в жизни не давала.

ОТЕЛЛО.

Все, все рассказал мне честный Яго.

ДЕЗДЕМОНА.

Дай эту ночь прожить! Отсрочь на сутки!

ОТЕЛЛО.

Нет. Поздно. Решено.

ДЕЗДЕМОНА.

Еще минуту!

Дай помолиться!

ОТЕЛЛО.

Поздно чересчур.

(Душит ее.)

ЭМИЛИЯ. *(За сценой.)*

Впустите, генерал, меня! Впустите!

ОТЕЛЛО.

За дверью шум. Жива! Еще жива?

Я – изувер, но все же милосерден

И долго мучиться тебе не дам.

(Закалывает Дездемону и бросает ее за полог.)

ЭМИЛИЯ. *(Врываясь, спешит к постели Дездемоны.)*

Чей это крик?

ОТЕЛЛО.

Какой? Кричали разве?

ДЕЗДЕМОНА. *(Слабым голосом, за пологом.)*

Убили неповинно, без вины!

ЭМИЛИЯ.

О ужас! Это голос госпожи!

На помощь! Помогите! Помогите!

ДЕЗДЕМОНА *(За пологом.)*

Безвинно умираю.

ОТЕЛЛО.

Я убийца.

Ее любовник Кассио. Она
Платок дала ему. Спроси у мужа.
Твой Яго первый мне открыл глаза.

ЭМИЛИЯ. (*Выходя из за полога.*)
Ах, подлость насмеялась над любовью!

Входят Яго, Кассио, Бьянка и представитель венецианского дожа Лодовико.

ЛОДОВИКО.
В чем дело, генерал?

ЭМИЛИЯ.
Ты подоспел
Удачно, Яго. Если ты мужчина,
То опровергни выдумки лжеца.
Он говорит, что ты его уверил
В измене Дездемоны. Это ложь.

ЯГО.
Я то сказал, что думал, и не больше.
Тебе ж советую – язык свой прикуси.

ЭМИЛИЯ.
Не прикушу. Мой долг – сказать вам правду.
Не шутка это. Госпожа моя
Лежит убитая в своей постели.

Все поражены.

ОТЕЛЛО.
Не стойте в изумленье. Это правда.

ЭМИЛИЯ.
Пустоголовый мавр, я на полу
Нашла платок и показала Яго.
Он все просил меня его украсть,
Вот я и отдала ему находку.

ЯГО.
Ты лжешь, мерзавка!

ЭМИЛИЯ.
Нет, о нет, не лгу!

ОТЕЛЛО.
Как терпит небо? Нет громов в запасе?
Какой неопиcуемый злодей!

Отелло пытается заколоть Яго, но Кассио обезоруживает мавра. Яго убивает Эмилию и мечется по сцене, пытаясь скрыться. Кассио и Лодовико хватают Яго и связывают ему руки.

ЭМИЛИЯ.

Кончаюсь... С госпожою положите... *(Умирает.)*

КАССИО.

Вы, Лодовико, как посланник дожа
И член венецианского сената,
Распорядитесь, как нам поступить.
Мы все вам подчиняемся, сеньор.

ОТЕЛЛО.

Скажите, Кассио, как очутился
У вас в руках платок моей жены?

КАССИО.

Платок нашел я у себя в квартире,
А, как признался Яго, он ко мне
Его подбросил. Я же подарил
Платок тот Бьянке.

БЬЯНКА.

Верно, так и было.

КАССИО. *(Показывая на Бьянку.)*

И если б знал я, чей это платок,
Ужель осмелился б его дарить
Вот этой куртизанке, чтоб она
Его открыто с радостью носила
При всех?

ОТЕЛЛО.

О я глупец!

ЛОДОВИКО.

Отелло,

Вы отрешены от должности.
Оставьте этот дом. Пойдемте с нами.

Кассио с мечом становится возле Отелло.

ОТЕЛЛО.

Сперва позвольте слово или два.
Однажды турок бил венецианца
И поносил сенат. Я подошел,
За горло взял обрезанца-собаку
И заколол. Вот так.
(Закалывается.)

Все поражены.

ЛОДОВИКО.

Всему конец.

КАССИО.

Я потрясен!

ОТЕЛЛО.

С прощальным поцелуем
Я отнял жизнь твою и сам умру,
Пав с поцелуем к твоему одру.

Падает на постель и умирает. Лодовико задергивает полог. Конец представления «Отелло». Вся труппа выходит на хорошо срежиссированные поклоны. Аплодисменты, цветы, вторичный выход. Затем актеры вызывают режиссера (он же играет Лодовико). Наконец, аплодисменты стихают. Предполагается, что зрители расходятся, и занавес опускается. Артисты обнимаются, целуются, поздравляют друг друга. Одним словом, обычная кода премьерного спектакля. Все, кроме Отелло и Яго, покидают сцену. Отелло – крупный, добродушный, немного неуклюжий «медведь». Актер, играющий Яго, умен, хладнокровен, желчен.

ОТЕЛЛО. Режиссер просил актеров после спектакля не уходить. Тебе передавали?

ЯГО. Да, я знаю. Будет обсуждение и фуршет.

ОТЕЛЛО. Лучше бы только фуршет, без обсуждения.

ЯГО. Естественно. Но разве наш Лодовико обойдется без того, чтобы снова нас учить и наставлять?

ОТЕЛЛО. Пусть себе болтает. Мы будем слушать да есть. По правде говоря, я не прочь немножко расслабиться. Ведь премьера! Надо отпраздновать.

ЯГО. *(Хмуро.)* А я не прочь даже как следует напиться.

ОТЕЛЛО. Ты чем-то расстроен?

ЯГО. Нет, с чего ты взял?

ОТЕЛЛО. У тебя какое-то странное лицо.

ЯГО. Нормальное лицо.

ОТЕЛЛО. Все из-за нее? *(Кивает куда-то в глубь сцены.)*

ЯГО. *(С сухим удивлением.)* Кого ты имеешь в виду?

ОТЕЛЛО. Я спросил просто так.

ЯГО. А я тебе просто так ответил.

Входит Лодовико, режиссер спектакля. Он уже не очень молод. В его речи и манерах чувствуется привычка распоряжаться, которую он смягчает дружеским тоном.

ЛОДОВИКО. Ну что ж, друзья, еще раз поздравляю с премьерой.

ЭМИЛИЯ. *(Входя.)* Рабочие сцены спрашивают, надо ли убирать постель и прочие декорации.

ЛОДОВИКО. Нет, завтра мы снова играем «Отелло». Пусть все остается на месте.

ЭМИЛИЯ. Тогда я скажу, чтобы они шли домой. *(Выходит.)*

ЛОДОВИКО. Давайте поговорим немножко о сегодняшнем спектакле.

Во время последующего диалога входят Эмилия и Бьянка, неся с собой с собой пакеты с закуской, бутылки, тарелки и прочее, что нужно для импровизированного фуршета. Они начинают накрывать стол.

ЯГО. Может, отложим разговоры на завтра, а сейчас просто выпьем?

ЛОДОВИКО. Завтра мы обсудим все подробно, а сейчас я скажу буквально два слова, так сказать, по горячим следам. Все равно наши дамы еще не накрыли стол.

ЯГО. Посмотрите на Виктора, он ведь еле держится на ногах от усталости.

ЛОДОВИКО. Я двадцать раз говорил: забудьте, что Отелло зовут Виктором, Дездемону - Вероникой, а Кассио - Марком. Для вас они даже вне сцены только Отелло, Дездемона и Кассио. Вы должны все время называть друг друга только сценическими именами, чтобы полностью вжиться в роли и в спектакль. Это мой метод. Кстати, Отелло, ты был сегодня в ударе.

ОТЕЛЛО. *(Смущенно.)* Спасибо.

ЛОДОВИКО. Однако, как всегда, тебя захлестывает темперамент. Теряешь контроль над собой.

ОТЕЛЛО. Я знаю. Меня всегда заносит.

ЯГО. Но, с другой стороны, как же Отелло может быть без темперамента?

ЛОДОВИКО. Я знаю, ты всегда за него заступаешься, но сейчас он в этом не нуждается.

ЯГО. Извините, я забыл, что обсуждением у нас называется, когда говорите вы один.

ЛОДОВИКО. Между прочим, Яго, твоя игра, к сожалению, пока далека от совершенства. Взять хотя бы последнюю сцену. Ты должен был нам показать боязнь разоблачения, злобу за провал тщательно продуманной интриги, стыд от своего поступка... А что мы увидели? Прыжки и вялые выкрики. Ты явно думал о чем-то другом. Надо меньше суетиться, больше играть внутренне, а не внешне.

ЯГО. В этой сцене я не хотел тянуть одеяло на себя. Ведь все внимание зрителя должно быть отдано Отелло.

ЛОДОВИКО. Ты не прав. Ведь Яго – это пружина всего действия. Он завидует мавру, получившему пост командующего, и плетет против него интригу. Эту пьесу всегда играют как трагедию Отелло, но не менее трагичен и Яго. Храбрый, умный солдат не может перенести, что его снова обошли, отдав пост командующего негру, а должность заместителя красивому щеголю Кассио, очевидно, родственнику дожа. И Яго вступает на путь, который погубит и его жену, и Отелло, и Дездемону, и его самого. Для меня это, прежде всего, трагедия не ревности, не обманутого доверия, а зависти.

ОТЕЛЛО. *(Он, как и Яго, слушал не очень внимательно.)* Кстати, где Кассио?

ЯГО. Наверняка наш красавчик раздаст у служебного входа автографы поклонникам. Сейчас придет.

ЛОДОВИКО. Так вот, я и говорю: зависть – вот что движет миром. Мы не завидуем какому-нибудь миллиардеру, потому что мы его не знаем и он от нас далеко, но завидуем даже в мелочах тем, кто с нами рядом. Почему мой сослуживец получает на два гроша больше, хотя я работаю ничуть не хуже и не меньше? Почему у моего соседа шикарнее квартира? Почему у моего приятеля лучше машина? Вот что не дает нам покоя и толкает нас на дурные поступки, лишь бы быть первыми в своем окружении.

ЯГО. Ну, и что? Еще Цезарь сказал: «Лучше быть первым в деревне, чем в городе вторым».

ОТЕЛЛО. Что касается меня, я никому не завидую. Правда, чужие успехи меня всегда очень удручают.

ЛОДОВИКО. Вот к этому я и веду. Мы живем в век конкуренции. Человек человеку враг. Агрессия смутно таится в каждом из нас и то и дело выплескивается наружу. Вот про это и поставлен мой спектакль.

ЯГО. Наш спектакль.

ЛОДОВИКО. Да-да, конечно. Наш.

Входит Кассио. Он красив, контактен, легок и непринужден в общении.

КАССИО. Я не опоздал?

ЯГО. Нет, мы еще не начали.

ЛОДОВИКО. Как «не начали»? Мы уже давно обсуждаем спектакль.

ЯГО. *(Не без иронии.)* Я имел в виду не обсуждение, а фуршет.

ЛОДОВИКО. Ах, да, верно. Ведь мы собрались здесь, чтобы отметить премьеру. Девушки, что там у вас?

БЬЯНКА. Все готово, можно садиться.

Все рассаживаются вокруг стола. Лодовико с бокалом держит речь.

ЛОДОВИКО. Ну что ж, друзья, выпьем за успех спектакля и пожелаем ему долгой жизни!

Все чокаются, пьют, закусывают.

ОТЕЛЛО. *(К Кассио.)* Марк, дай закурить.

ЛОДОВИКО. Что это за «Марк, дай закурить»? Я же говорил: привыкайте даже вне спектакля видеть друг в друге не артистов, а настоящих живых героев во плоти. Лучше было сказать:

«Мой Кассио, позволь мне попросить
Сладчайший дым сигар твоих отведать.»

Или что-нибудь в этом духе.

КАССИО. *(Поднимается с бокалом в руках.)* Я приношу извинения за то, что не был на обсуждении. Вероятно, не все еще у нас получилось, но главное – мы победили, а победителей не судят. Так что выпьем за победу!

Все с энтузиазмом присоединяются к тосту. Атмосфера становится явно теплее и непринужденнее.

ЛОДОВИКО. Кто еще хочет сказать?

БЬЯНКА. Давайте объявим конкурс на лучший тост.

ЯГО. Самый лучший тост – это самый короткий. Мы уже наговорились на сцене, очень хочется просто выпить.

ОТЕЛЛО. *(С бокалом в руках.)* Тогда позвольте мне. Театр – это храм искусства, он соединил нас в одну большую семью. Я хочу выпить за нашу благородную профессию, за актерское братство.

Актеры дружно поддерживают тост.

ЛОДОВИКО. Вот, Кассио сказал тут, что победителей не судят. Да, премьера прошла с успехом, и все же в бочке меда не обошлось и без ложки дегтя. И я как режиссер хочу закончить беглое обсуждение спектакля. О ролях Отелло и Яго мы уже говорили. Ты, Кассио, был неплох, но уж слишком любовался самим собой. Ты все-таки должен помнить, что играешь воина, заместителя главнокомандующего, а не любимчика женщин.

КАССИО. А почему воин не может быть любимчиком женщин?

ЛОДОВИКО. Теперь Лодовико... Впрочем, роль Лодовико играл я.

ЯГО. И, разумеется, безусловно. Лучшая, я бы сказал, центральная роль спектакля. Просто странно, что пьеса называется «Отелло», а не «Лодовико».

ЛОДОВИКО. Твоя ирония неуместна. Ты прекрасно знаешь, что я не актер, а режиссер. К тому же, эту эпизодическую роль представителя дожа я играл случайно, поскольку ее исполнитель заболел.

ЯГО. Не скромничайте. Вы, правда, произнесли всего две или три фразы, но сразу стало ясно, что вы прирожденный актер, а вовсе не режиссер.

ЛОДОВИКО. *(Не удастая колкую реплику Яго ответом, обращается к женщинам.)* К тебе, Эмилия, у меня претензий нет. Ты, Бьянка, была просто прелестна. Вот кем я недоволен, так это Дездемоной. Я еще в антракте сделал ей выговор. Кстати, а где она? Почему ее здесь нет?

Актеры оглядываются по сторонам. Действительно, Дездемоны нет, и все заметили это только сейчас.

ЭМИЛИЯ. Наверное, она еще переодевается.

ЛОДОВИКО. Пойди, взгляни, пожалуйста.

Эмилия выходит. Лодовико продолжает.

Взять, например, хотя бы ее последние слова: «Безвинно умираю». Я сто раз ей говорил, что это самая эффектная ее реплика. Когда уже все думают, что она испустила дух, она вдруг появляется из-за полога, бледная, с распущенными волосами, слабо стонет «Безвинно умираю» и падает. А она просто проямлила что-то из-за полога каким-то не своим голосом так, что публика почти ничего не слышала. На что это похоже? Убита концовка спектакля. Это недопустимо!

ЯГО. Вы лучше сделайте это замечание ей самой, когда она придет.

ЛОДОВИКО. И сделаю, не беспокойся.

ЯГО. Не побойтесь?

ЛОДОВИКО. Что ты все время меня подкусываешь? Дай мне спокойно отпраздновать этот вечер, а завтра я с тобой разберусь. Я знаю твою любимую фразу: «Я бы поставил спектакль по-другому». Так я скажу тебе вот что: все знают, как не надо ставить спектакль, но никто не знает, как надо его ставить.

ЭМИЛИЯ. *(Возвращаясь.)* Ее гримерка пуста.

БЬЯНКА. И на поклоны она не вышла.

КАССИО. Наша примадонна опять чем-то недовольна.

ОТЕЛЛО. *(Лодовико.)* Очевидно, она обиделась на выговор, который вы сделали ей в антракте.

КАССИО. *(Не без ехидства.)* И завтра она пойдет жаловаться на вас директору.

ЛОДОВИКО. *(Обеспокоенно.)* Но это был вовсе не выговор... Лишь замечание, и сделанное в очень тактичной форме.

ЯГО. Вот это вы и скажете директору, когда он вас вызовет.

КАССИО. Или когда она вас вызовет.

ЛОДОВИКО. Бьянка, поищи, пожалуйста, Веронику Сергеевну. Неудобно продолжать праздновать премьеру без нее. Она обидится.

ЯГО. Не Веронику Сергеевну, а Дездемону. *(С иронической назидательностью.)* Надо называть друг друга только сценическими именами, чтобы полностью вжиться в роли и в спектакль. Это ваш метод.

Лодовико предпочитает не реагировать. Бьянка выходит. Пауза.

КАССИО. Вы не нервничайте. Когда она вас вызовет, вы извинитесь перед ней и директором в очень тактичной форме, и, может быть, она вас простит.

ЛОДОВИКО. *(Раздраженно.)* Плевать я хотел на директора и эту его капризную любовницу. Я не намерен без конца потакать ее причудам.

ЯГО. На вашем месте я бы не стал говорить такие слова при свидетелях.

Бьянка возвращается.

БЬЯНКА. Ее нигде не видно.

ЛОДОВИКО. А ты спрашивала вахтера?

БЬЯНКА. Вахтер спит.

ЛОДОВИКО. Разбуди его и спроси, не видел ли он ее.

Бьянка выходит. Пауза. Лодовико явно нервничает.

КАССИО. Пока Бьянка ищет нашу несравненную Дездемону, я для развлечения предлагаю вам разгадать шуточную шараду: первая часть слова – небольшая мужская компания, вторая часть – шипящая буква, а все вместе – ткань. Что это такое?

ОТЕЛЛО. У меня мозги сейчас не настроены на шарады. Давай выкладывай сразу ответ.

КАССИО. Ты, Яго, тоже не догадался?

Яго пожимает плечами. Кассио торжественно провозглашает.

«Трикотаж»!

ОТЕЛЛО. Почему «трикотаж»?

КАССИО. «Ж» - это шипящая, а три кота – это небольшая мужская компания. Так вот, нас здесь как раз трое мужчин, и я предлагаю выпить за нашу мужскую компанию.

Отелло, Яго и Кассио с удовольствием чокаются и пьют.

ЛОДОВИКО. А меня вы за мужчину не считаете?

ЯГО. Вы по положению настолько выше нас, что мы не смеем включать вас в свою компанию.

Бьянка возвращается.

ЛОДОВИКО. Ну? Где ты пропадала?

БЬЯНКА. Расталкивала вахтера. По его словам, Дездемона ушла вместе со всеми.

ЛОДОВИКО. Позови его сюда.

БЬЯНКА. Он тоже пошел домой и просил передать вам ключи.

ЛОДОВИКО. *(Принимая ключи.)* Что ж, великая артистка имеет право поступать по-своему. Талант искупает все.

ЭМИЛИЯ. Безусловно. Прекрасная актриса и замечательный человек.

КАССИО. Мы собрались здесь, чтобы праздновать, а не разговаривать о Дездемоне. Ушла и ушла. У меня предложение: больше о ней ни слова.

ЛОДОВИКО. Правильно.

ЯГО. *(Кассио.)* Зря ты это предложил.

КАССИО. Почему? Ты хочешь, чтобы мы заикнулись на Дездемоне?

ЯГО. Вовсе нет. Но договариваться об этом не стоило. Знаешь притчу о том, как одному человеку приказали в течение часа не думать об обезьяне? До этого он вообще не помышлял об обезьяне, но после запрещения уже поневоле думал только о ней.

КАССИО. Ты прав. Постараемся забыть о нашей обезьяне без всякого уговора. Просто будем пить и веселиться с нашими прелестными дамами. *(Чокается с Бьянкой.)*

БЬЯНКА. Не называйте ее обезьяной. Это некрасиво.

КАССИО. Больше не буду. Но я больше всех жалею, что Дездемона не с нами: в нашей пирушке не хватает женщин. Вас только двое, а нас, мужчин, трое. *(Взглянув на Лодовико.)* То есть я хотел сказать «четверо».

ЭМИЛИЯ. Ничего, каждая из нас стоит двоих.

КАССИО. В том смысле, что каждая из вас готова взять на себя двух мужчин?

БЬЯНКА. Если надо будет, то можно и больше.

ЯГО. Ого! Смелое заявление.

ОТЕЛЛО. Вот я и предлагаю – выпить за наших прекрасных женщин.

ЛОДОВИКО. И, к тому же, замечательных актрис.

КАССИО. За вашу красоту, обаяние и талант!

Традиционный ритуал: мужчины поднимаются и пьют стоя, женщины остаются сидеть.

ЭМИЛИЯ. Теперь нам ничего не остается, кроме как предложить тост за мужчин.

КАССИО. Раз уж женщины хотят за нас выпить, то у меня на этот случай есть для них сюрприз: настоящий французский коньяк.

ОТЕЛЛО. Где же он?

КАССИО. Припрятан. Сейчас принесу.

Кассио направляется в глубину сцены, проходит мимо кровати, бросает взгляд на постель, останавливается, всматривается и спустя несколько мгновений возвращается к товарищам.

ОТЕЛЛО. Почему ты вернулся?

Кассио не отвечает.

ЯГО. Что с тобой? На тебе лица нет.

КАССИО. Там... в постели... Дездемона...

ЛОДОВИКО. Что «Дездемона»?

КАССИО. Ничего. Лежит.

БЬЯНКА. Спит, что ли?

КАССИО. Не знаю.

ЛОДОВИКО. Бьянка, пойдй посмотри.

БЬЯНКА. Я боюсь.

ЛОДОВИКО. Чего?

БЬЯНКА. Не знаю. Просто боюсь.

ЛОДОВИКО. Эмилия, сходи ты.

ЭМИЛИЯ. Сходите лучше вы сами. Что вы все нас посылаете. Вы же мужчины.

Лодовико колеблется.

ЯГО. Я не пойму – вы тоже боитесь, что ли?

ЛОДОВИКО. Нет, но... Заглядывать в постель к женщине...

ЯГО. Не говорите глупостей. Это сцена, а не женская спальня.

Яго решительными шагами направляется к постели и заходит за полог. Он остается там довольно продолжительное время, прежде чем появляется снова. Все напряженно ждут, что он скажет.

ЭМИЛИЯ. Ну что?

ЯГО. Она мертва.

Общий шок.

ЛОДОВИКО. Ты уверен? Она вправду мертва?

ЯГО. Мертвее быть не может.

ОТЕЛЛО. Не может быть! Она же совсем недавно была жива! Я же только что ее душил!

ЯГО. Боюсь, что ты справился с этим очень успешно.

ОТЕЛЛО. Ты эти шутки брось.

ЛОДОВИКО. Наверняка ты опять дал волю своему неумному темпераменту. Я же тебя предупреждал. Ты и утром на репетиции чуть ее не задушил.

ОТЕЛЛО. Да нет, я к ней лишь чуть-чуть притронулся...

ЛОДОВИКО. «Чуть-чуть»... Посмотри на свои ручищи, и вспомни, какое у женщины хрупкое тело.

ОТЕЛЛО. А может, у нее просто случился инфаркт? Она все время жаловалась на сердце.

ЛОДОВИКО. Не обманывай себя, Отелло. У нее на горле синие следы от твоих рук.

БЬЯНКА. Господи, что же делать?

ЯГО. Лично я чувствую потребность выпить.

ЛОДОВИКО. И я.

ЭМИЛИЯ. Я тоже не прочь.

ОТЕЛЛО. И я.

ЯГО. Кассио, тащи свой коньяк.

Кассио, тщательно обойдя постель на как можно большем расстоянии, отправляется вглубь сцены.

ОТЕЛЛО. И все-таки я тут ни при чём.

ЭМИЛИЯ. Следствие разберется.

Кассио приносит коньяк и разливает его по бокалам.

ЛОДОВИКО. Ну, за упокой души, что ли?

Отелло по инерции хочет чокнуться, но Эмилия его останавливает.

ЭМИЛИЯ. *(Строго, с укором.)* Когда пьют за упокой, не чокаются.

Отелло послушно убирает руку. Все пьют. Молчание.

ОТЕЛЛО. Что же теперь будет?

КАССИО. Ты не горюй. Убийство непредумышленное, много тебе не дадут.

ОТЕЛЛО. Сколько, по-твоему?

КАССИО. *(Пожимая плечами.)* Не знаю... Лет пять, наверное.

ОТЕЛЛО. *(В отчаянии.)* И это ты называешь «немного»?

КАССИО. Ну, это лучше, чем десять. Правда, надо еще доказать, что убийство не было преднамеренным.

ЯГО. Если пришьют намеренное убийство, то дадут и десять.

ОТЕЛЛО. Десять?! Десять лет буквально ни за что?

КАССИО. А ты что думал? Яго, плесни мне еще глоток.

ЭМИЛИЯ. А коньяк ничего.

КАССИО. Я ж говорил – французский.

БЬЯНКА. Небось, подарок поклонницы?

КАССИО. Может быть.

БЬЯНКА. От кого?

КАССИО. Я человек деликатный и чужих тайн не выдаю.

ОТЕЛЛО. И вы можете говорить сейчас о каком-то коньяке? Как вам не стыдно! Кстати, налей и мне.

ЛОДОВИКО. Я тебе советую: если успеешь, спрячь до ареста деньги и ценные вещи в надежное место. А то, пока будешь сидеть, твоя жена выйдет замуж, и, когда ты вернешься, останешься ни с чем.

ОТЕЛЛО. Да вы что – с ума сошли?

КАССИО. Лодовико прав. Это обычное дело. Послушай умного человека.

ОТЕЛЛО. Моя жена не такая.

КАССИО. По этому поводу есть анекдот. Сокамерник спрашивает товарища: «Ты не боишься, что за десять лет, которые ты должен провести в тюрьме, твоя жена может тебя бросить?» А товарищ ему отвечает: «Абсолютно не боюсь. Во-первых, она порядочная женщина, во-вторых, она меня очень любит, в-третьих, она тоже сидит».

Все, включая Отелло, смеются.

ЭМИЛИЯ. Я расскажу другой анекдот, который доказывает, что бывают женщины,

способные в самом деле ждать своего мужа из заключения. «Жена пришла на свидание с мужем и говорит: - К твоему освобождению я почию твой любимый костюм в клеточку».

Все смеются.

БЬЯНКА. Судья спрашивает: «Подсудимый, почему для убийства жены вы воспользовались таким старомодным способом, как удушение, а не пистолет?» Тот отвечает: «Я не хотел будить детей».

Веселый смех.

ОТЕЛЛО. *(Тоже смеется, но, осознав наконец, что дело касается его самого, обрывает смех.)* Кончайте травить анекдоты. Мне вовсе не смешно. И я ни в чем не виноват.

КАССИО. *(Не может остановиться.)* «Обвиняемый, вы признаете себя виновным?» - спрашивает судья. Обвиняемый: - «Мне нужно время, чтобы обдумать ответ.» Судья: «Что ж, я надеюсь, десяти лет вам хватит».

Вся давятся со смеху.

ОТЕЛЛО. Вам смешно, а меня, может, уже завтра посадят.

КАССИО. Да ты не горюй. Время в тюрьме бежит незаметно. Десять лет пролетят, как один день.

ЯГО. А наша Дездемона, наверное, уже в раю.

ЭМИЛИЯ. Играет роль безгрешной женщины.

БЬЯНКА. И уже присматривает себе нового любовника.

КАССИО. Сказать честно, Отелло, ты оказал нам большую услугу. Мы, конечно, очень любили Дездемону, но, подумай сам: разве справедливо, чтобы за каждый спектакль она получала больше, чем все мы, вместе взятые?

БЬЯНКА. И все потому, что публика, по мнению директора, ходит в наш театр только ради нее.

ЭМИЛИЯ. Лучше бы он рассказал, сколько денег он истратил, чтобы сделать из нее звезду. Ее раскручивают, интервью дает только она, как будто в театре нет других актеров. Ей половину сбора и вся слава, а мы – безымянное стадо.

ЯГО. Я заметил, Эмилия, что тебя в театре больше всего огорчают не твои неудачи, а чужие успехи.

ЭМИЛИЯ. Можно подумать, что тебя радует успех Лодовико.

ЯГО. Ты считаешь этот спектакль успехом?

ЭМИЛИЯ. Ты ведь сам хотел быть постановщиком «Отелло», и уже даже начал работу над спектаклем, но Дездемона отменила твое назначение под предлогом, что ты актер, а не режиссер.

ЛОДОВИКО. И она была права.

ЯГО. Просто она знала, что я не дам ей роль Дездемоны.

ЭМИЛИЯ. Не надо было с ней ссориться. Сначала у вас была страстная любовь, а потом она превратилась в страстную ненависть.

БЬЯНКА. Так всегда бывает.

ЯГО. Может, хотя бы один вечер мы обойдемся без сплетен?

ЛОДОВИКО. Я признаю, что не все в спектакле получилось так, хотелось бы. Но разве я виноват, что на деле всем заправляла Дездемона?

ЯГО. Не надо было плясать под ее дудку.

ЛОДОВИКО. Тебе легко говорить. Но теперь, слава богу, она откинула копыта, и я переделаю спектакль по-своему. То есть я хотел сказать не «слава богу», а... как бы это выразиться... В общем, очень жаль, что ее нет.

ОТЕЛЛО. Мне все это кажется страшным сном. Ведь еще каких-то полчаса назад, когда мы играли финальную сцену, она шептала мне, что я не должен своей игрой отвлекать от нее внимание публики. Неужели это так просто – был человек, и вот его уже нет?

ЭМИЛИЯ. Все под богом ходим.

ОТЕЛЛО. Мне все время кажется, что сейчас она выйдет к нам из-за полога, и все будет по-старому.

КАССИО. Да не убивайся ты так... Ее уже не воскресишь.

ОТЕЛЛО. Да я не по ней убиваюсь, по себе. Только что все было хорошо, я отлично сыграл премьеру, рассчитывал на роли в кино... А что теперь? Тюрьма и лагерь?

ЭМИЛИЯ. Ты хоть помнишь, как ее убивал?

ОТЕЛЛО. В том-то и дело, что нет. Я был в каком-то тумане. Это-то и обидно: посадят, а неизвестно, за что. Знал бы, чем дело кончится, задушил бы ее сознательно и со вкусом. Хоть бы получил удовольствие. Ну, что уж теперь... Вызывайте полицию.

ЭМИЛИЯ. Лучше походи туда с повинной сам. Тогда тебе дадут меньший срок.

ОТЕЛЛО. Ты думаешь?

ЭМИЛИЯ. Конечно... Чистосердечное признание и раскаяние... Сам понимаешь.

ОТЕЛЛО. Ну что ж... *(Встает.)* Я сразу и пойду. Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас. *(Торжественно.)* Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Не поминайте лихом.

Выходит на авансцену.

Прощай, покой! Прощай, душевный мир!

Прощайте, армии в пернатых шлемах,

И войны – честолюбье храбрецов,

И ржущий конь, и трубные раскаты,

И флейты свист, и гулкий барабан,

И царственное знамя на парадах,

И пламя битв, и торжество побед!

Прощайте, оглушительные пушки!

Конец всему – Отелло отслужил!

(В отчаянии.) Эх, какой артист погибает!

КАССИО. *(Кладет руку Отелло на плечо.)* Послушай, мне пришла в голову идея, как тебе избавиться от тюрьмы.

ОТЕЛЛО. *(С надеждой.)* Правда?

КАССИО. Я просто подумал: может, тебе лучше заколоться?

ОТЕЛЛО. Ты что, серьезно?

ЭМИЛИЯ. А что, это лучше, чем до конца жизни гнить в заточении. А так будет точно по Шекспиру. Эффектная концовка. О тебе напишут все газеты. «Смерть, достойная великого артиста».

ОТЕЛЛО. *(После короткого раздумья.)* Ты прав. Пожалуй, я так и сделаю. У кого-нибудь есть кинжал?

КАССИО. Возьми тот, которым ты зарезался на сцене.

ОТЕЛЛО. Тот не годится. Мне нужен настоящий кинжал, не бутафорский.

БЬЯНКА. Тут, на столе, есть нож, которым я резала колбасу. Хороший, острый. Возьми.

(Дает ему нож.)

ОТЕЛЛО. *(Пробуя нож.)* Спасибо.

БЬЯНКА. Только потом его верни, ладно? Я еще не все нарезала.

ОТЕЛЛО. Хорошо. *(Вспоминает мизансцену своего самоубийства.)* Как там было?

«Я подошел,

За горло взял обрезанца-собаку...

ЛОДОВИКО. *(Прерывая, дает режиссерское указание.)* Ты стоял не здесь, а немного правее. И не забудь взять себя за горло.

ОТЕЛЛО. Да, правильно. *(Переходит на другую часть сцены.)*

«Я подошел,
За горло взял обреза-нца-собаку
И заколол. Вот так...»

Рука Отелло, держащая нож, останавливается. Лицо его светлеет.

Ура! Я вспомнил!

ЛОДОВИКО. Что ты вспомнил?

ОТЕЛЛО. Я ее не задушил! Я ее не задушил, а заколол!

ЛОДОВИКО. Ну, и что из этого?

ОТЕЛЛО. Вы разве не помните? Уже после того как я ее задушил, она простонала сначала «Убили неповинно, без вины», а потом, после того как я ее еще и заколол, она сказала «Безвинно умираю». Значит, она была жива.

ЛОДОВИКО. Однако сейчас-то она мертва.

ОТЕЛЛО. Но я тут ни при чем. Я все вспомнил. Когда я кончил ее душить, она шепотом попросила меня не помять ей ночную рубашку, потому что ей скоро выходить перед публикой на поклонны.

ЛОДОВИКО. А следы на шее?

ОТЕЛЛО. Это от утренней репетиции. Тогда я, действительно, увлекся.

КАССИО. Задушил, заколол – какая разница.

ОТЕЛЛО. Извини, бутафорским кинжалом не заколешь. Он из резины, ты прекрасно знаешь.

КАССИО. А откуда мы знаем, что твой кинжал был бутафорский?

ОТЕЛЛО. А какой же еще? Вот, смотрите. *(Вынимает из ножен кинжал и дает его Кассио.)*

КАССИО. *(Пробуя лезвие.)* А кинжал-то настоящий.

Кассио с размаху бросает кинжал на пол. Острие клинка вонзается в дерево. Все вопросительно смотрят на Отелло, который поражен больше всех.

ОТЕЛЛО. Не может быть! Я ее не закалывал.

Пауза.

ЛОДОВИКО. Сейчас проверим. Кто хочет осмотреть тело?

ЯГО. Только не я.

БЪЯНКА. А я вообще боюсь покойников.

КАССИО. Если осмотреть тело, я согласен.

ЭМИЛИЯ. Можно подумать, что при жизни ты его не видел.

КАССИО. Представь себе, что нет.

ЭМИЛИЯ. Мне казалось, что эта радость была доставлена всем мужчинам в театре.

ЛОДОВИКО. Эмилия и Кассио, идемте со мной.

Лодовико направляется за полог. Эмилия и Кассио нехотя следуют за ним. Спустя некоторое время все трое возвращаются.

ОТЕЛЛО. Ну?

ЛОДОВИКО. Представь себе: есть и ножевая рана, и кровь. Причем кровь настоящая, а не клюквенный сок.

ОТЕЛЛО. Мне это дело не шейте. Я ее не задушил, это главное. А нанести удар ножом мог каждый из вас.

ЛОДОВИКО. Что значит, «каждый из нас»?

ОТЕЛЛО. А то и значит.

Пауза.

ЛОДОВИКО. Что ж, давайте разберемся. Вспомним, кто где находился и кто что делал в финальной сцене.

ЯГО. Боюсь, синьор Лодовико, что этот вечер воспоминаний нам не поможет. Финальная сцена поставлена вами столь неудачно, что понять в ней что-либо будет невозможно.

ЛОДОВИКО. *(Неприязненно.)* Ты, конечно, поставил бы ее лучше.

ЯГО. Вне всякого сомнения. У вас актеры без всякого смысла метались, суетились, кричали и махали руками, и все это вы называете режиссурой.

ЛОДОВИКО. Я сделал эту мизансцену очень динамичной, чтобы передать взволнованность персонажей, а не для того, чтобы проводить по ней следственный эксперимент.

КАССИО. Кстати, можно еще анекдот? Последний, честное слово. В суде слушается дело об изнасиловании. Прокурор объявляет: «Потерпевшая требует проведения повторного следственного эксперимента!»

ЛОДОВИКО. Кассио, уймись. Давайте спокойно разберемся, кто что делал на сцене, после того как Отелло задушил Дездемону.

ОТЕЛЛО. Опять? Я же говорю – я ее не задушил!

ЛОДОВИКО. Успокойся, я говорю это в театральном смысле.

ОТЕЛЛО. Я не хочу это слышать ни в каком смысле.

ЛОДОВИКО. Ты не хорохорься. Обвинение с тебя еще не снято.

ОТЕЛЛО. А никто его против меня и не выдвигал. Вы прокурор, что ли? Не задушил, и все.

БЬЯНКА. А я так думаю, что задушил. После этого она еще кое-как прохрипела одну-две фразы, и потом уже окончательно скапутилась.

ЛОДОВИКО. Бьянка, тебя никто не спрашивает, что ты думаешь. Ты лучше скажи, что ты делала в этот момент на сцене.

БЬЯНКА. Я? Ничего. Стояла возле Кассио и демонстрировала публике свои ноги, как вы мне велели на репетиции.

ЛОДОВИКО. Ничего подобного я не велел. Я просто напоминал, что тебе следует вести себя как куртизанке.

БЬЯНКА. Ну, я и вела.

ЛОДОВИКО. А что делала ты, Эмилия?

ЭМИЛИЯ. Разоблачала Яго, пока он меня не прикончил.

ЯГО. Но сначала ты прикинула к Дездемоне за пологом и долго не могла от нее оторваться. Может, в это время ты ее и задушила?

ЭМИЛИЯ. И заодно пырнула ножом? Ведь нож-то был у тебя, тот нож, с которым ты за мной гонялся.

ЯГО. Нож был из гибкой резины, ты прекрасно это знаешь. Он и сейчас при мне. *(Вынимает из-за пояса и демонстрирует всем бутафорский нож.)*

ЭМИЛИЯ. Меня убил театральным ножом, а ее – настоящим. Ведь после того, как она тебе изменила, ты ее возненавидел.

ЯГО. Можно подумать, что вы все ее обожали.

ЛОДОВИКО. Перестаньте препираться. Кассио, твоя очередь.

КАССИО. Все знаете, что я вышел на сцену и стоял на ней вместе с вами. Потом мы обнажили мечи, схватили Яго, и на этом все кончилось.

ЛОДОВИКО. Но пока мы его преследовали, ты мог незаметно ткнуть мечом и Дездемону. Она ведь отказала тебе, первому красавцу, в своей благосклонности. Ты и роль Отелло не получил из-за нее, хотя очень хотел.

КАССИО. Вы тоже могли и мечтали ее прирезать. Она ведь при всех унижала вас на каждой репетиции.

ОТЕЛЛО. (*Кассио.*) Ты хотел получить мою роль? Это для меня сюрприз. Так вот почему ты начал ухлестывать за этой стервой!

КАССИО. Почему, собственно, эта роль твоя? Судя по тому, как ты ее играешь, ты и понятия не имеешь, кто такой Отелло и с чем его едят. Бьянка – и та сыграла бы эту роль лучше.

Короткая пауза.

ЯГО. Мы пошли не в ту степь. Я предлагаю выпить по рюмке и успокоиться.

КАССИО. Дельное предложение.

ОТЕЛЛО. Коньяк еще есть?

КАССИО. Только водка.

БЬЯНКА. Это даже лучше. Разливай.

Кассио разливает водку. Все молча пьют. Пауза.

ОТЕЛЛО. (*Задумчиво.*) Интересно, почему водой можно напиться, а водкой нельзя? Чем больше пьешь, тем больше хочется.

КАССИО. Это вопрос, над которым давно задумалось все просвещенное человечество.

Пауза.

ЭМИЛИЯ. Послушайте, что я вам скажу. К Дездемоне в гримерку перед началом спектакля заходил ее, так сказать, покровитель.

БЬЯНКА. Директор, что ли?

ЭМИЛИЯ. Нет, другой, основной. Ну, знаете, этот, из крутых.

БЬЯНКА. Я что-то не понимаю. Разве она не с директором?..

ЭМИЛИЯ. Милочка, ты еще неопытная и не знаешь, что если порядочная актриса хочет добиться успеха, у нее должно быть, по меньшей мере, два покровителя: один директор или главный режиссер, а другой – кто-нибудь побогаче из публики. Один дает роли, другой – деньги. Ни без того, ни без другого далеко не пойдешь.

КАССИО. Эмилия, твоя юная подруга не хуже тебя знает, как надо жить. Продолжай. Что ты хотела сказать?

ЭМИЛИЯ. Короче говоря, они крупно посорились.

ЛОДОВИКО. Ты уверена?

ЭМИЛИЯ. Еще бы! Нежная Дездемона крыла его таким отборным матом, что нам еще надо учиться и учиться.

КАССИО. (*Балагурит, как всегда.*)

Враги Дездемону пытали,
Хотели ей волю сломать,
Но девичьи губы шептали:
Не выйдет, ядри твою мать.

ЯГО. (*Эмилии.*) Ну, повздорили они, нНам-то какое дело? К чему ты все это рассказала?

ЭМИЛИЯ. А к тому, что, может, он с ней и посчитался. А мы тут ни при чем.

ЛОДОВИКО. Каким образом? Как он мог с ней посчитаться?

ЭМИЛИЯ. Очень просто. Пока мы в финальной сцене кривлялись и изображали страсти, он из-за сцены зашел за полог постели – и дело с концом. Или сам, или послал профессионала.

КАССИО. Когда ж он успел?

ЭМИЛИЯ. Долго ли умеючи? Тем более, время на обдумывание и подготовку у него было. Целых три часа.

ЯГО. Нет, все это пахнет дешевой уголовщиной. Чего ради ему было ее убивать? Только себя подставлять. Мог бы просто перестать ей давать деньги, и дело с концом.

ЭМИЛИЯ. Это было бы с его стороны слишком жестоко.

БЬЯНКА. А я, знаете, чего боюсь? Если этот тип подумает, что это мы кокнули его пассию, то он действительно посчитается - с нами.

КАССИО. Убьет, что ли?

БЬЯНКА. Откуда я знаю? Может, и убьет. Если он и вправду такой крутой.

Все переглядываются.

ЯГО. Не говорите глупостей. Зачем ему нас убивать? Можно сделать проще: дать прокурору в лапу, и он нас всех пошлет за решетку.

ОТЕЛЛО. Говорят, теперь в тюрьмах есть театры.

ЯГО. Вот, в таком театре мы лет десять и поиграем.

ЭМИЛИЯ. Я не пойму – вы шутите или всерьез?

ЯГО. Мы очень серьезно шутим.

КАССИО. Я бы сказал – мы очень шутливо говорим серьезные вещи.

ЛОДОВИКО. Вот что, господа хорошие. Пора кончать разговоры. Рядом, за пологом, лежит убитая женщина, а мы чешем языками. Кто-то из вас ее убил и не хочет признаваться, но я намерен расследовать это дело до конца, прямо сейчас, по горячим следам.

БЬЯНКА. Почему из «вас», а не из «нас»? Может, вы ее и убили. Ведь вы ненавидели ее больше всех.

ЯГО. И почему вы решили, что уполномочены вести следствие?

ЛОДОВИКО. Потому что я среди вас старший и по возрасту, и по положению.

ЯГО. Ну и что? Как режиссеру мы вам подчиняемся, но здесь не сцена и не театр.

ЛОДОВИКО. Как раз здесь сцена и театр. И вы мои актеры, и это мой спектакль.

ЯГО. Но это уже другой театр и другой спектакль. И вы здесь больше не хозяин.

ЛОДОВИКО. Хотите руководить расследованием сами - пожалуйста.

ЯГО. Я ничего не хочу. Вернее, я хочу выпить.

ОТЕЛЛО. Мы все этого хотим.

БЬЯНКА. А я хочу домой.

ЛОДОВИКО. Нет, пока мы с этим делом не разберемся, никто отсюда не выйдет. Ключи от театра у меня.

ЯГО. Я предлагаю вот что: давайте разойдемся минут на двадцать по своим гримеркам, и каждый спокойно обдумает ситуацию. Потом соберемся снова и решим, что делать.

Все переглядываются.

ЛОДОВИКО. Что ж, это разумно.

ЭМИЛИЯ. Я тоже согласна.

БЬЯНКА. А я боюсь.

КАССИО. Если ты боишься сидеть одна в своей гримерке, мы можем вместе пойти ко мне.

БЬЯНКА. К тебе? Я боюсь.

КАССИО. Чего ты боишься? Что двадцати минут тебе будет мало?

БЬЯНКА. Не остри. Не хочу я к тебе идти, и все.

КАССИО. Почему?

БЬЯНКА. А вдруг ты убийца?

ЭМИЛИЯ. Бьянка, перестань. Нам и так не по себе.

ОТЕЛЛО. Ну что, пошли?

ЛОДОВИКО. Пошли.

Актеры медленно, один за другим, расходятся.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Действие второе

То же место действия минут пятнадцать спустя. Бьянка выходит на сцену и осторожно садится, пугливо оглядываясь. При каждом стуке и шорохе она вздрагивает.

Слышатся чьи-то шаги. Бьянка вскакивает и хочет скрыться за полог, но, испугавшись рокового места еще больше, прячется за столом. Входит Кассио.

КАССИО. Бьянка, что ты там делаешь?

БЬЯНКА. Я?

КАССИО. Ты.

БЬЯНКА. Ничего.

КАССИО. Раз ты так боишься, сидела бы у себя в гримерке.

БЬЯНКА. Там одной мне еще страшнее.

КАССИО. Теперь ты не одна, а со мной. Не бойся, если я тебя и задушу, то только в своих объятьях.

БЬЯНКА. А я и не боюсь. У меня с собой нож, которым я резала колбасу.

КАССИО. Очень разумно. Но только спрячь его, на всякий случай, куда-нибудь подальше.

Ну, успокоилась?

БЬЯНКА. *(Садясь от Кассио на порядочном расстоянии.)* Да.

КАССИО. Бьянка, я вот все думаю: почему ты моя любовница только на сцене? Почему бы нам не попробовать это и в жизни?

БЬЯНКА. Скажи: есть ли хоть одна актриса в нашем театре, которой ты не делал это предложение?

КАССИО. При чем тут другие актрисы? Ведь мы с тобой сейчас партнеры. Лодовико требует от нас вживаться в роль. Так давай выполнять указания режиссера. На сцене ты смотришься первоклассной куртизанкой. А как на самом деле?

БЬЯНКА. Я и на самом деле в полном порядке. Люди довольны.

КАССИО. Так почему бы и нам с тобой не заняться этим? Ты разве не хочешь?

БЬЯНКА. Хочу. Очень хочу. Но не с тобой.

КАССИО. За что мне такая немилость?

БЬЯНКА. *(Кокетливо.)* Милости ты еще не заслужил.

КАССИО. Если речь идет о подарках и всем прочем, то за этим дело не постоит.

БЬЯНКА. *(Гораздо теплее. Садится ближе.)* Интересно, откуда у тебя всегда есть деньги? Ты ведь актер.

КАССИО. Я давно понял, что государство у нас на словах любит культуру, а на деле – бизнес. Вот я и занялся бизнесом.

БЬЯНКА. Вот уж не думала! И каким бизнесом?

КАССИО. Содержу стриптиз-клуб. Хочешь пойти ко мне работать? Фигура у тебя нормальная, ноги что надо... За одну ночь заработаешь столько же, сколько за месяц в театре. Немного подучишься – и вперед.

БЬЯНКА. Я знаю, кроме стриптиза, другое занятие, при котором за одну ночь можно заработать еще больше. И учиться не надо.

КАССИО. И ты этим занимаешься?

БЬЯНКА. Это уж мое дело.

КАССИО. Ну что ж, одно другому ведь не мешает. *(Садится рядом с Бьянкой.)*

БЬЯНКА. Кто, по-твоему, прикончил Дездемону? Неужели Отелло? Ведь он такой

добродушный медведь.

КАССИО. Вот именно – медведь. Подумай сама: пьеса называется «Отелло», а все говорят и пишут только о Дездемоне. Вот он и озверел.

БЬЯНКА. По-моему, ты его ненавидишь. За что?

КАССИО. Я его не ненавижу. Я завидую. Если завтра он провалится, я снова буду его любить, как родного брата, ободрять его и жалеть. Но если к нему опять придет успех, то берегись!

БЬЯНКА. И все потому, что ты сам хотел сыграть Отелло?

КАССИО. И еще сыграю, вот увидишь. Так ты пойдешь ко мне в клуб?

БЬЯНКА. Не знаю. Я подумаю.

КАССИО. Как хочешь. Насиловать тебя я не собираюсь.

БЬЯНКА. Меня невозможно изнасиловать: я всегда своевременно отдаюсь сама.

КАССИО. Так почему бы тебе не отдаться и мне? Я имею в виду – моей фирме.

БЬЯНКА. Сначала посмотрю, кому достанется роль Дездемоны.

КАССИО. (*Удивленно.*) Ты хочешь сыграть Дездемону?

БЬЯНКА. Почему нет? Вакансия-то свободна.

КАССИО. Однако, ты девочка с честолюбием.

БЬЯНКА. Иначе не пробьешься. Поддержи меня, а я, если стану Дездемоной, потребую, чтобы ты играл Отелло.

КАССИО. Ну, а на твою благосклонность я смогу рассчитывать?

БЬЯНКА. (*Очень тепло.*) Стоит ли говорить о таких пустяках? Всегда можно договориться.

Кассио обнимает Бьянку, но в этот момент входят Отелло и Яго.

ЯГО. Что нового?

КАССИО. (*Отпуская Бьянку.*) Ничего. Что может быть нового?

Входят Эмилия и Лодовико.

ЛОДОВИКО. Ну, все в сборе? (*И, так как все молчат, продолжает.*) Какие будут заявления? Может быть, кто-нибудь что-нибудь хочет рассказать?

Все молчат.

Тогда я спрошу так: какие будут предложения?

ЯГО. Я думаю так: чего нам самим копать в этом деле? Есть компетентные органы, профессионалы – пусть они этим и займутся.

ЛОДОВИКО. Короче говоря, вызвать полицию?

ЯГО. Ну да. По-моему, нам давно следовало это сделать.

ОТЕЛЛО. И заодно скорую помощь.

ЯГО. Спыхватились – «скорую»...

ЛОДОВИКО. Есть другие предложения?

Все молчат. Лодовико достает мобильный телефон.

Кто будет звонить?

Пауза.

ЯГО. Вы и звоните. Вы же у нас главный. (*И добавляет.*) Вам и ответ держать.

Лодовико опускает телефон.

ЛОДОВИКО. Почему мне? При чем тут я? Почему, например, не Отелло?

ЯГО. Звоните, полиция разберется.

Лодовико снова хочет набрать номер.

КАССИО. Пойдите. У меня предложение. Что будет хорошего, если прямо сейчас приедет полиция? Нагрянут следователи, фотографы, репортеры, начнутся вопросы, допросы, протоколы... А что ты делал, а где ты стоял, а были ли у тебя интимные отношения с потерпевшей... Разгорится скандал. Нам это надо?

ЛОДОВИКО. Так что – не звонить, что ли?

ЯГО. Нет, почему, звонить. Но не сейчас. Все это, действительно, можно отложить до утра.

ЭМИЛИЯ. А ведь верно, срочности нет никакой. Правда, Дездемона отошла в лучший мир, но это еще не причина, чтобы мы не отпраздновали премьеру. Вкалывали на репетициях столько месяцев, заслужили такой успех, так что же теперь – даже не отметить?

ОТЕЛЛО. Правильно. Наедемся, напьемся, и тогда уже сообщим. Пусть потом приезжают.

БЬЯНКА. Имеем же мы право после такой работы немножко повеселиться.

КАССИО. Я уверен, что Дездемона сама одобрила бы такое решение. В конце концов, мы празднуем и ее успех.

ЭМИЛИЯ. Будем считать, что мысленно она с нами.

ОТЕЛЛО. Отлично! *(Поднимается с бокалом.)* Я предлагаю выпить за успех Дездемоны!

Все дружно поднимают бокалы.

ЛОДОВИКО. Пойдите! Как мы объясним потом полиции, что не вызвали ее сразу?

ЯГО. А ничего объяснять и не придется. Мы спокойно сидели до утра и мирно пили. Только когда собрались расходиться, заметили, что она лежит в постели без движения. Сразу позвонили. Вот и все.

ЛОДОВИКО. Ну, если так... *(Поднимает бокал.)* За здоровье Дездемоны!

Все заметно повеселели.

ЭМИЛИЯ. Давайте выпьем за нашего режиссера, который сплотил нас в дружную команду единомышленников и привел к заслуженному успеху.

БЬЯНКА. Браво!

Женщины целуют Лодовико, мужчины жмут ему руку.

ОТЕЛЛО. *(Поднимаясь.)* За наше актерское братство!

ЯГО. За это мы уже пили.

ОТЕЛЛО. Да? Ну, ничего, выпьем еще раз. Вы же знаете: это мой любимый тост. Не знаю, почему, но на душе как-то полегчало. Марик, дай закурить. То есть я хотел сказать «Милейший Кассио, позволь мне... так сказать...»

Ну, в общем, это... дай мне сигарету».

КАССИО. Я смотрю, ты уже порядочно набрался.

ОТЕЛЛО. А почему бы и нет? Такой радостный день: премьеры, звездная роль, успех... Завтра я сыграю еще лучше.

ЯГО. «Завтра»... Еще неизвестно, что будет завтра. Может быть, уже утром тебя, а то и нас всех арестуют. И уж во всяком случае спектакль придется отменить.

ЛОДОВИКО. *(Обеспокоенно.)* Отменить? После такого успеха?

ЯГО. А прокурору все равно, успех или не успех. Пока они с этим делом не разберутся, нас из кутузки не выпустят.

ЛОДОВИКО. Но как же так? Я ведь пригласил на завтрашний спектакль критиков, телевидение, даже одного столичного журналиста... Обо мне бы заговорили... Может быть, я бы получил, наконец, свой театр...

ЯГО. О вас теперь заговорят, не волнуйтесь.

ЛОДОВИКО. Нет-нет, отмены спектакля допустить нельзя.

ЭМИЛИЯ. Ни в коем случае. Я тоже пригласила на завтрашний вечер очень важных для меня людей.

БЬЯНКА. И я хочу выйти на сцену. У меня такой роскошный костюм. Зря егошили, что ли?

ОТЕЛЛО. Не знаю, арестуют меня или нет, но сыграть хотя бы еще один спектакль очень хочется.

КАССИО. У меня новая идея! Хотите послушать?

Все умолкают.

ЭМИЛИЯ. Ну?

КАССИО. А что если вообще ничего никому не сообщать? В конце концов, мы не обязаны были заглядывать в ее постель. Вахтер сказал, что Дездемона ушла из театра – и все. Мы вообще ничего не знаем. Отпраздновали премьеру и разошлись.

Пауза. Все переваривают услышанное.

ЛОДОВИКО. И что нам это даст?

КАССИО. Декорации установлены, на сцену никто не зайдет. Тело Дездемоны обнаружится только завтра вечером. Пока переварят новость, пока сообщат директору, пока вызовут следствие, пока то, да се, отменить спектакль уже не успеют, и, по крайней мере, хотя бы один раз мы еще сыграем.

ЭМИЛИЯ. Неплохая мысль.

КАССИО. Кроме того, за завтрашний день мы успеем привести в порядок свои личные дела. Мало ли, что с нами будет, когда все откроется? Подстраховаться не мешает.

ЯГО. Идея хорошая, но кто-нибудь обязательно проболтается. Бьянка первая не удержится сообщить по секрету радостную новость четверем-пяти ближайшим подругам. Иначе она просто лопнет от избытка информации.

БЬЯНКА. Что я, дура, что ли?

КАССИО. Давайте дадим клятву молчать.

ЛОДОВИКО. Последствия болтовни должны быть понятны каждому и без клятвы. Если выяснится, что мы знали и не сказали, нас всех посадят за укрывательство и соучастие.

КАССИО. Ну, так что же мы решим?

ОТЕЛЛО. Не сообщать.

КАССИО. Кто против?

Все молчат.

Принято единогласно.

ОТЕЛЛО. Очень хорошо. Вот так сидим, пьем, и понемногу одна за другой приходят в голову светлые мысли. *(Выпивает изрядную дозу.)*

ЭМИЛИЯ. Кстати, мне как раз в голову пришла еще одна мысль. Уж не знаю, светлая или нет.

КАССИО. Что ж, послушаем.

ЭМИЛИЯ. Даже и не знаю, стоит ли говорить...

ОТЕЛЛО. Не тьяни, выкладывай.

ЭМИЛИЯ. Надо сделать так, чтобы тело Дездемоны исчезло из театра.

Все поражены.

ОТЕЛЛО. Я что-то не понимаю. Разве это возможно?

ЭМИЛИЯ. Почему нет? Унести ее отсюда, и все.

КАССИО. Куда?

ЭМИЛИЯ. Не знаю. Важно не куда, а откуда. Главное, чтобы ее здесь не было.

ЛОДОВИКО. Объясни.

ЭМИЛИЯ. Если ее обнаружат здесь завтра, мы так или иначе будем втянуты в эту историю.

Допросы под присягой, беседы со следователями, вызовы в суд, шум в газетах... А если ее здесь не будет, мы тут ни при чем. Нет Дездемоны – нет проблемы.

ЛОДОВИКО. Это, действительно, светлая мысль. Как говорят юристы, нет тела – нет дела.

ОТЕЛЛО. А куда мы спрячем труп? Закопаем?

ЯГО. Мы же в городе. У тебя есть лопата и кайло, чтобы долбить асфальт?

КАССИО. И гудрон, чтобы потом снова асфальтировать могилу.

БЬЯНКА. Может, просто бросить ее в реку?

ЯГО. Вот что я предлагаю. Наша примадонна пришла в театр в роскошном платье и дорогом пальто.

ЭМИЛИЯ. Которые ей подарил ее любовник.

ЯГО. Зачем об этом напоминать?

ЭМИЛИЯ. Я просто хочу сказать, что ты такие подарки делать ей не мог.

ЛОДОВИКО. Эмилия, не перебивай. (Яго.) Что дальше?

ЯГО. У Отелло есть машина. Мы раздеваем Дездемону, увозим отсюда и оставляем на улице возле ее дома. Тогда все будут думать, что ее убили по пути домой с целью ограбления.

ОТЕЛЛО. Гениально. Я всегда знал, что Яго умнее нас всех.

КАССИО. А кто среди нас, по-твоему, всех глупее?

ОТЕЛЛО. Ты на что намекаешь?

КАССИО. Я не намекаю, я просто спрашиваю.

ЛОДОВИКО. Кассио, перестань. Сейчас не до шуток.

ЯГО. Так что, план принимается?

ЭМИЛИЯ. Единогласно.

ЯГО. Тогда – ближе к телу. Женщины, быстро освободите часть стола. Мужики, тащите ее сюда.

Эмилия и Бьянка поспешно сгребают на край стола тарелки, стаканы и бутылки. Лодовико, Кассио и Отелло идут за полог постели и вытаскивают оттуда тело Дездемоны. На ее ночной рубашке видны пятна крови.

ОТЕЛЛО. Куда ее?

ЯГО. Кладите на стол.

Мужчины укладывают тело на стол.

КАССИО. Что теперь?

ЯГО. Теперь надо смыть с нее грим и снять рубашку. Бьянка, быстро тащи воду, губку и полотенце.

Эмилия снимает с Дездемоны парик – красивые золотистые локоны.

ЭМИЛИЯ. Парик выбросить?

ЯГО. Не надо. Он пригодится завтра для другой Дездемоны.

Эмилия надевает парик на себя и с удовольствием смотрится в зеркало. Мужчины стаскивают с Дездемоны ночную рубашку. Бьянка уже ждет с губкой и кувшином воды.

БЬЯНКА. Кровь с тела смывать?

ЯГО. Нет, только грим.

БЬЯНКА. А рубашку выбросить?

ЯГО. Ни в коем случае. Ее надо выстирать, выгладить и вместе с париком положить в примерке Дездемоны, как будто она перед уходом приготовила их к завтрашнему спектаклю.

БЬЯНКА. Тогда уж надо снять с нее и бриллиантовое кольцо, которым она так хвастается.

ЭМИЛИЯ. И заодно серьги.

БЬЯНКА. Да и белье жалко. Это театральное?

ЭМИЛИЯ. Нет, ее собственное. Она все время похвалялась, что носит только дорогое сексуальное белье.

ЛОДОВИКО. Девушки, не увлекайтесь. Белье трогать не будем.

БЬЯНКА. А кольцо и серьги надо снять. А то кто же поверит в ограбление?

ЯГО. Черт с вами, снимайте.

Женщины начинают снимать с Дездемоны драгоценности. Кольцо никак не поддается.

ЛОДОВИКО. (Глядя на возню женщин.) Интересный театр получается.

ЯГО: Может быть, вы и поставите эту сцену? Вы же режиссер, вам и карты в руки.

ЛОДОВИКО. Нет уж, у тебя это получается лучше. Продолжай командовать.

КАССИО. (Женщинам.) Ну, что вы там замешкались? Времени у нас не так и много. Скоро светать начнет.

ЭМИЛИЯ. Никак не снять кольцо.

КАССИО. Оставьте, как есть.

БЬЯНКА. Ты с ума сошел? Это же бриллианты!

ОТЕЛЛО. Отрежьте палец, и все дела. Он ей все равно уже не нужен.

ЭМИЛИЯ. Все. Сняли. (Надевает на себя кольцо.) Красиво, правда?

БЬЯНКА. А я возьму себе серьги.

ЯГО. Бабы, вы с ума сошли? Если кто-нибудь увидит на вас ее драгоценности, нам всем крышка.

ЭМИЛИЯ. Не волнуйтесь, мы их хорошо спрячем.

ЯГО. Отелло, немедленно отбери у них эти побрякушки, не то мы все сядем.

Отелло, угрожающе сжав кулачищи, наступает на женщин. Они нехотя отдают драгоценности. Он передает их Яго, который прячет их в карман.

ЭМИЛИЯ. Что ты собираешься с ними делать?

ЯГО. Не волнуйся, не присвою. Пока спрячу, а там видно будет. Ну, все готово? Отелло, иди подгони машину ко входу. Лодовико, дайте ему ключи от театра.

ЛОДОВИКО. Как он поведет машину? Он ведь пьян.

ОТЕЛЛО. Да, у меня могут права отобрать. Как же я буду на дачу ездить?

КАССИО. Это твоя единственная проблема?

ЯГО. До ее дома всего-то метров пятьсот. Минута езды. И ночью постов нет. Проскочим.

ОТЕЛЛО. Я боюсь. Я никогда еще не возил покойников.

ЛОДОВИКО. Перестань ныть. Для тебя же стараемся.

ОТЕЛЛО. Ну хорошо. Давайте выпьем на дорогу. Для храбрости.

ЭМИЛИЯ. По-моему, с тебя хватит. Ты и так уже набрался.

ОТЕЛЛО. Не волнуйся, я как стеклышко.

Все садятся за стол и наполняют бокалы.

БЬЯНКА. Подвиньте немного тело, некуда тарелку поставить.

Тело сдвигают на край стола.

ЭМИЛИЯ. Отелло, хочешь закусить?

ОТЕЛЛО. От хорошей колбаски не откажусь.

КАССИО. (Поднимая бокал.) Ну, за успех дела!

Все пьют и закусывают.

ЯГО. Давай, Отелло, пошел! Готовь машину.

Отелло, шатаясь, выходит.

Бьянка, быстро простирни и погладь ее рубашку.

БЬЯНКА. А где я возьму утюг?

ЯГО. В костюмерной.

Бьянка выходит.

Эмилия, пойди в гримерку Дездемоны и возьми оттуда ее платье, пальто, сумочку, уличную обувь – одним словом, все, что надо, чтобы создать впечатление, что она ушла домой.

Эмилия выходит.

Кассио, помоги дотащить тело до машины.

КАССИО. Я тоже поеду?

ЯГО. Нет, лучше присмотри здесь за женщинами, чтобы они тут не натворили глупостей. А я проконтролирую нашего медведя, а то, сам понимаешь... Ну, взялись!

Яго и Кассио поднимают тело за руки и ноги, роняя при этом тарелки и бутылки.

ЛОДОВИКО. Осторожнее! Водку же разольете!

КАССИО. *(Опуская тело.)* Подожди секунду. *(Достает сигареты и закуривает.)*

Возвращается Бьянка с влажной рубашкой Дездемоны и утюгом, освобождает часть стола и начинает гладить. Яго и Кассио снова поднимают Дездемону и, задевая ее телом за разные предметы, делая неловкие движения и сопровождая их взаимными упреками («Не туда!», «Заноси справа», «Смотри под ноги!» и т.п.) уносят его в машину. На сцене остаются Бьянка и Лодовико.

БЬЯНКА. Ничего, если я здесь поглажу? Там одна я боюсь.

ЛОДОВИКО. Ничего-ничего.

БЬЯНКА. *(Продолжая гладить.)* Я хочу вас спросить: а кто будет играть Дездемону?

ЛОДОВИКО. Я сам об этом все время думаю.

БЬЯНКА. Ну, и кого вы хотите выбрать?

ЛОДОВИКО. Вообще-то, я обещал дать эту роль Эмилии.

БЬЯНКА. Когда вы успели?

ЛОДОВИКО. Давно. То есть... Недавно. Только что.

БЬЯНКА. А почему бы не дать ее мне?

ЛОДОВИКО. Тебе?

БЬЯНКА. Конечно. Чем я хуже Эмилии?

Оставляет утюг и садится напротив Лодовико, демонстрируя свои великолепные ноги.

ЛОДОВИКО. Ты, конечно, ничем не хуже, но...

БЬЯНКА. Тогда в чем же дело? *(Принимает еще более соблазнительную позу.)*

ЛОДОВИКО. Ведь играть надо уже завтра. Ты хоть роль-то знаешь?

БЬЯНКА. Знаю наизусть. *(Приникает к Лодовико.)* Я буду другой Дездемоной. Не бледной, старой и несчастной, а соблазнительной, эротичной, сексуальной... *(Прижимается к Лодовико еще теснее.)* Вы не пожалеете, вот увидите.

ЛОДОВИКО. Что ж, если ты согласишься время от времени репетировать у меня дома...

БЬЯНКА. Разумеется. А как же иначе? Я все понимаю.

ЛОДОВИКО. Но раньше ты на это не соглашалась.

БЬЯНКА. Я была молодая и неопытная. И я тогда еще не понимала, что вы мне очень нравитесь. *(Обнимает Лодовико.)*

ЛОДОВИКО. Подожди... А кто же будет играть Бьянку?

БЬЯНКА. Я и буду.

ЛОДОВИКО. Ты? Обе роли?

БЬЯНКА. А почему нет? Они же ни разу на сцене вместе не появляются. Ну, что вы скажете? Только не говорите «нет». Я так волнуюсь... Потрогайте здесь.. *(Подносит его руку к своей груди.)* Чувствуете, как бьется мое сердце?

Лодовико чувствует биение сердца девушки так хорошо, что его сердце начинается биться с ним в унисон. К несчастью, в этот миг появляется Эмилия, держа в руках платье, пальто, туфли, сумку и другие вещи Дездемоны. Лодовико и Бьянка быстро отодвигаются друг от друга.

ЭМИЛИЯ. Не знаю, что делать с ее вещами.

БЬЯНКА. Действительно, шикарное платье. Дай примерить. Лодовико, отвернитесь, пожалуйста.

И не успевают Лодовико отвернуться, а Эмилия опомниться, как Бьянка быстро скидывает свой театральный костюм, хватая платье Дездемоны и надевает его.

БЬЯНКА. *(Крутясь перед зеркалом.)* Ну как?

ЭМИЛИЯ. Оно на тебе висит. Вот мне оно будет в самый раз.

БЬЯНКА. Можно чуть ушить. А на тебя оно не влезет, ты слишком полная.

ЭМИЛИЯ. Я полная? Да, я не сухопарая, как некоторые, но вовсе не толстая. Дай мне его примерить, и ты увидишь. *(Пытается стянуть с Бьянки платье.)*

БЬЯНКА. А я говорю, что оно на тебя не влезет. *(Продолжает красоваться перед зеркалом.)*

Эмилия отстает от Бьянки, надевает пальто и туфли Дездемоны и обращается к Лодовико.

ЭМИЛИЯ. Как, по-вашему, мне идет?

ЛОДОВИКО. Очень.

БЬЯНКА. *(С завистью глядя на Эмилию.)* Оно тебе длинновато.

ЭМИЛИЯ. Ничуть не длинно. Как раз. *(Вертится у зеркала.)*

БЬЯНКА. *(Тянется к пальто.)* Возьми платье, примерь. Хочешь?

ЭМИЛИЯ. Зачем мне примерять это барахло? Я лучше возьму себе пальто.

БЬЯНКА. А где ее сумочка? Там наверняка есть дорогая косметика. Не выбрасывать же.

Обе женщины роются в сумке Дездемоны. Входит Кассио.

ЛОДОВИКО. Ну? Где ты был так долго?

КАССИО. Никак не могли втиснуть объект в машину. И все из-за этого алкоголика Отелло.

ЛОДОВИКО. Что еще он успел натворить?

КАССИО. Когда просовывали ее в машину, он не то сломал, не то вывернул ей руку, потом стукнул ей локтем в глаз и, в заключение, прищемил дверцей ногу.

ЭМИЛИЯ. Ничего, так даже лучше. Со следами насилия и сопротивления ограбление будет выглядеть правдоподобнее.

ЛОДОВИКО. Где они теперь?

КАССИО. Уже в пути. Я думаю, минут через пять-десять вернутся.

ЛОДОВИКО. Кто ведет? Надеюсь, не Отелло?

КАССИО. Нет, Яго. А Отелло сидит рядом и распевает песни. Мы никак не могли заставить его замолчать. А что у вас?

ЛОДОВИКО. Вот, дамы примеряют тряпки.

БЬЯНКА. *(Кассио.)* Ну, как тебе мое платье?

КАССИО. Вы с ума сошли? Снимайте немедленно! Это же улики! Ведь из-за этих тряпок

убили Дездемону! Платье и пальто унесли грабители! Забыли, что ли?
 БЬЯНКА. Ой, верно! *(Поспешно скидывает платье, снова остается в одном белье.)*
 КАССИО. Спрячьте это хорошенько, а лучше сожгите.
 ЭМИЛИЯ. Нет, я поношу платье немного, хотя бы до утра. *(К зависти Бьянки, натягивает платье Дездемоны.)*
 КАССИО. Бьянка, ты погладила ее ночную рубашку?
 БЬЯНКА. Нет, еще не до конца.
 КАССИО. Поторопись.
 БЬЯНКА. Здесь гладить неудобно, пойдем лучше в гримерку. Только посиди там со мной, я одна боюсь. *(Вполголоса.)* Нам там скучно не будет.
 КАССИО. *(Тоже вполголоса.)* Я надеюсь.
 БЬЯНКА. *(Так же.)* Только пойдем не в мою, а в твою гримерку. Она у тебя на одного, а у нас с Эмилией на двоих. Она может в любую минут войти.
 КАССИО. *(Беря утюг.)* Хорошо. Я тебя жду.

Кассио выходит, Бьянка следует за ним. По пути она задевает бедром Лодовико и шепчет ему интимным тоном.

БЬЯНКА. Я готова начать репетиции в любой момент. Хоть сегодня ночью. *(Выходит.)*

На сцене остаются Эмилия и Лодовико.

ЭМИЛИЯ. Теперь, когда мы одни, я могу тебя спросить, чем вы тут занимались с Бьянкой?
 ЛОДОВИКО. *(Смущенно.)* Мы с Бьянкой? Ничем. А чем таким мы могли с ней заниматься?
 ЭМИЛИЯ. Ты не знаешь? Тем же самым, чем с ней сейчас занимается Кассио.
 ЛОДОВИКО. *(С беспокойством оглядывается за кулисы, куда скрылись Кассио и Бьянка.)*
 Он помогает ей гладить рубашку.
 ЭМИЛИЯ. Я не знаю, что он там сейчас ей гладит, но ты не притворяйся идиотом.
 ЛОДОВИКО. Я бы попросил тебя разговаривать со мной другим тоном. Мы с ней просто репетировали.
 ЭМИЛИЯ. Уж не роль ли Дездемоны?
 ЛОДОВИКО. А если и так?
 ЭМИЛИЯ. Но ты ведь обещал Дездемону мне!
 ЛОДОВИКО. Как я мог обещать тебе эту роль, если она была уже занята?
 ЭМИЛИЯ. Ты сам сказал, что если Дездемона сойдет с дистанции, то эта роль будет безусловно моя. Так вот, она сошла с дистанции. Что теперь?
 ЛОДОВИКО. Посмотрим, подумаем.
 ЭМИЛИЯ. Смотреть и думать некогда. Спектакль завтра. И посмей только назначить на эту роль Бьянку. Пожалеешь.
 ЛОДОВИКО. Чем ты недовольна? Если бы я не сделал тебя актрисой, ты бы до сих пор торговала презервативами в своей паршивой аптеке.
 ЭМИЛИЯ. Я вовсе не торговала презервативами.
 ЛОДОВИКО. Да? А ты забыла, что сама продала мне две пачки? Как раз это послужило поводом для нашего знакомства.
 ЭМИЛИЯ. Я просто не знала тогда, что этого запаса тебе хватает на три месяца.
 ЛОДОВИКО. Так или иначе, благодаря мне ты выбилась в люди.
 ЭМИЛИЯ. Ты думаешь, быть фармацевтом в первоклассной аптеке хуже, чем быть актрисой на вторых ролях в этом заштатном театре? По крайней мере, намного выгодней.
 ЛОДОВИКО. Почему «на вторых ролях»? В прошлом году ты играла королеву. Причем играла равнодушно и скучно. Наверное, думала в это время не об игре, а том, кому больше достанется аплодисментов.
 ЭМИЛИЯ. Это наглая ложь! В это время я думала о своей нищенской зарплате. Играю

королеву, а самой пальто не на что купить. Хожу голая. Так у нас относятся к людям искусства.

ЛОДОВИКО. Думаешь мне, венецианскому сенатору и представителю дожа, платят больше?

ЭМИЛИЯ. Какое мне дело, сколько тебе платят? Скажи ясно и прямо – кто будет играть Дездемону?

Возвращаются Бьянка и Кассио, очень довольные. У Кассио не застегнут мундир, у Бьянки растрепана прическа, она на ходу поправляет платье. Эмилия прерывает ссору и отходит в сторону. Лодовико встречает Бьянку с явным неудовольствием. Следующий их диалог ведется вполголоса.

ЛОДОВИКО. Ну, догладила рубашку?

БЬЯНКА. *(Смущенно.)* Не успела. Утюг еще не разогрелся.

ЛОДОВИКО. Зато ты, я вижу, разогрелась очень быстро.

БЬЯНКА. Вы напрасно сердитесь.

ЛОДОВИКО. Я совершенно не сержусь. Но теперь мне кажется, что ты не потянешь на Дездемону. Оставайся уж на роли куртизанки. Она тебе больше подходит.

Бьянка обиженно закусывает губу. Входит Яго. Все взгляды устремлены на него.

ЭМИЛИЯ. Ну, что?

ЯГО. Все в порядке. Сбросили ее возле дома.

ЛОДОВИКО. Кто-нибудь вас видел?

ЯГО. По-моему, нет. Впрочем, не уверен.

КАССИО. А где Отелло?

ЯГО. Оставил его на диване в вахтерке. Пусть немного проспится. Зря я его вообще брал с собой. Он только мешал. Когда вынимали Дездемону из машины, он ухитрился стукнуть ее головой об капот. К счастью, капот не пострадал.

БЬЯНКА. Значит, теперь нам ничто не угрожает?

ЯГО. Выходит, что так.

БЬЯНКА. Ура! *(Хлопает в ладоши.)*

КАССИО. Теперь мы можем спокойно продолжить наш фуршет.

ЭМИЛИЯ. *(Наливая Яго чай.)* Яго, выпей чаю. Ты, наверное, умаялся таскать труп туда-сюда.

БЬЯНКА. А я тебе отрежу хороший кусок пирога.

ЯГО. Отрежь и Кассио, он тоже трудился.

ЛОДОВИКО. Да уж мы знаем, как он трудился.

КАССИО. Прошу без намеков. *(Поднимая бокал.)* Как сказал отец наш Шекспир, «конец венчает дело». Давайте же выпьем за счастливый конец!

ЛОДОВИКО. Дело-то не совсем кончено. Главную проблему еще надо решать.

КАССИО. Какую проблему? Разве не все еще решено?

ЛОДОВИКО. Весь вечер я неотступно думаю только об одном: кто же будет теперь играть Дездемону?

ЭМИЛИЯ. А что тут думать? Ясно, что Дездемону буду играть я. Ведь мы этот вопрос давно уже решили.

БЬЯНКА. Интересно, кто это «мы» и когда успели это решить? Уж еще ли не до смерти Дездемоны? Это становится даже как-то подозрительно.

ЭМИЛИЯ. Мы решили это только что вместе с режиссером. *(Лодовико.)* Ведь правда?

Лодовико предпочитает отмолчаться, зато отвечает Бьянка.

БЬЯНКА. Я что-то не пойму: то «мы решили уже давно», то «только что». Что-то не

вяжется.

ЭМИЛИЯ. А тебе-то какое дело? Ты в театре без году неделя. Твое дело молчать и слушать.

БЬЯНКА. Мое дело – играть Дездемону

ЭМИЛИЯ. Ты в своем уме? Ты же полная, абсолютная, совершенная, стопроцентная, законченная бездарность!

ЛОДОВИКО. Эмилия, успокойся.

ЭМИЛИЯ. (*Обращаясь к Яго и Кассио.*) Ну, а вы что молчите? Неужели вы хотите, чтобы Дездемону изображала эта шлюшка? Да это же будет провал всего спектакля!

КАССИО. (*Эмили.*) Видишь ли... Как бы это тебе сказать... Дездемона должна быть молода и красива. Ты тоже, конечно, не стара и, в общем, красива... для своего возраста...

ЭМИЛИЯ. (*Прерывая.*) А наша покойная примадонна была молода и красива, что ли? Да она была старше меня! И гораздо толще. Даже в последней сцене она надевала под ночную рубашку корсет, чтобы сделать талию.

КАССИО. Ну, поэтому и возникла идея заменить эту актрису. И теперь, когда так счастливо все сложилось...

ЭМИЛИЯ. И теперь, когда так счастливо все сложилось, мне смотреть на счастье других?

КАССИО. И у Бьянки, несомненно, есть талант...

ЭМИЛИЯ. Интересно, когда и в какой части ее тела ты обнаружил в ней талант? Уж не сейчас ли, когда вы заперлись с ней в примерке?

ЛОДОВИКО. Однако согласись, что возраст...

ЭМИЛИЯ. (*Прерывая.*) Разве это важно? У актрисы, если хотите знать, три возраста.

БЬЯНКА. Вот как? Интересно. Расскажите. Люблю слушать старших.

ЭМИЛИЯ. Во-первых, возраст по документам, который на самом деле не имеет никакого значения. Во-вторых, возраст, на который женщина выглядит. Это минимум лет на десять - пятнадцать меньше. И, в-третьих, сценический возраст. Мне, например, сорок два года, выгляжу я на тридцать два, а на сцене, где нам помогают корсет, парик, грим, пудра и прочее, мне дают двадцать два.

БЬЯНКА. Во-первых, вам не сорок два года, а пятьдесят. Во-вторых, вы и выглядите, как пятидесятилетняя женщина, которая старается выглядеть на тридцать. А в-третьих, вам и на сцене дашь все шестьдесят.

ЭМИЛИЯ. Бьянка, замолчи. Ты молода, ты еще наиграешься, а это мой последний шанс. И я его не упущу. Ясно?

Пауза.

ЯГО. Я предлагаю вот что. Устроим обычную пробу. Пусть Эмилия и Бьянка покажут нам, как они играют Дездемону. А мы определим, кто из них более подходит на эту роль.

ЭМИЛИЯ. (*Презрительно.*) Чтобы я соревновалась с какой-то Бьянкой?

ЯГО. И еще уговоримся так: кто отказывается от пробы, тот отказывается и от роли.

ЭМИЛИЯ. (*После некоторого колебания.*) Ну что ж, раз так, я согласна.

БЬЯНКА. Я тоже.

ЛОДОВИКО. Кто из вас будет первой?

БЬЯНКА. Я.

ЭМИЛИЯ. Почему ты?

БЬЯНКА. Потому что я.

КАССИО. Пусть будет Бьянка. В конце концов, какая разница?

ЛОДОВИКО. Покажи нам последнюю сцену – смерть Дездемоны.

Импровизированный «художественный совет» из трех мужчин рассаживается, чтобы смотреть показ Бьянки. Бьянка подходит к постели.

КАССИО. Чтобы показать эту сцену, нужен Отелло.

ЯГО. Пойти его разбудить?

БЬЯНКА. Нет! Я его боюсь. Он и меня задушит!

ЛОДОВИКО. Не говори глупостей.

БЬЯНКА. Нет-нет! С ним я не буду показывать! И не только показывать, но и вообще играть. Пусть его роль играет Кассио.

ЛОДОВИКО. Не капризничай.

БЬЯНКА. *(Упрямо.)* Хочу Кассио!

ЭМИЛИЯ. Только что заперлась с ним в гримерке и уже снова хочешь?

ЛОДОВИКО. Бьянка, надевай ночную рубашку и начинай.

БЬЯНКА. *(Смущенно.)* Но рубашка еще не совсем сухая.

ЯГО. Разве ты ее еще не отгладила?

БЬЯНКА. Нет.

ЛОДОВИКО. Что же вы, действительно, делали с Кассио в гримерке?

ЭМИЛИЯ. А вы еще не догадались? Бьянка показывала ему, как она играет обнаженную маху.

ЛОДОВИКО. *(Бьянке, сердито.)* Набрось рубашку, и начинай. Иначе Дездемону будет играть Эмилия.

Бьянка берет рубашку и выходит.

ЭМИЛИЯ. *(Лодовико, тихо.)* Предупреждаю по-хорошему: не дашь мне эту роль, пожалеешь.

ЛОДОВИКО. Не угрожай и не зарывайся. Как бы самой не пожалеть.

Возвращается Бьянка в рубашке Дездемоны и начинает вертеться у зеркала.

ЯГО. Ну, начинайте же наконец!

Актрисы располагаются у постели Дездемоны.

БЬЯНКА *(В роли Дездемоны.)*

Эмилия, боюсь мне не заснуть,

Предчувствие беды меня тревожит.

ЭМИЛИЯ. *(В роли Эмили.)*

Вот, здесь напиток из целебных трав,

Он принесет вам сон.

БЬЯНКА *(В роли Дездемоны.)*

Спасибо, дорогая.

ЭМИЛИЯ. *(В роли Эмили.)*

Прощайте, госпожа. Спокойной ночи.

Эмилия отходит в сторону.

БЬЯНКА. Так кто же все-таки будет играть Отелло? Я хочу Кассио!

ЛОДОВИКО. Кассио я тебе не дам. И Яго тоже. Они члены нашего маленького худсовета.

Пусть Отелло играет Эмилия.

БЬЯНКА. Почему вдруг Эмилия?

ЭМИЛИЯ. Действительно, вы надо мной издеваетесь, что ли?

ЯГО. Какая разница, кто будет подавать за него реплики? Ведь мы сейчас смотрим Бьянку-Дездемону. Кончайте препираться, у нас времени нет.

ЭМИЛИЯ. *(Мрачно.)* Ну, хорошо. *(Накидывает плащ и «входит» к Дездемоне-Бьянке.)*

ЭМИЛИЯ. *(В роли Отелло. Зловеще.)*
Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

БЬЯНКА *(В роли Дездемоны.)*
Да, дорогой мой.

ЭМИЛИЯ. *(В роли Отелло. Угрожающе.)*
Если у тебя
Есть неотмоленное преступленье,
Молись скорее же. Избави бог
Убить тебя, души не подготовив.

Наступает на Бьянку, протягивая к ее горлу руки.

БЬЯНКА. *(Выходя из роли.)* Я не хочу с ней играть! Мне страшно!

ЛОДОВИКО. Кончай капризничать! Ты просто не знаешь мизансцены. Почему ты не выпила напиток, который тебе приготовила Эмилия?

БЬЯНКА. Я боюсь. Она меня отравит, как отравила Дездемону.

ЛОДОВИКО. Опомнись, Бьянка, что такое ты говоришь?

БЬЯНКА. Говорю, что знаю. Я сама видела, как она подливала яд в стакан с питьем для Дездемоны. *(Поняв, что сболтнула лишнее, закусывает губу.)*

КАССИО. Что, что ты видела?

БЬЯНКА. Ничего.

КАССИО. Нет уж, раз начала, говори.

БЬЯНКА. Эмилия капала в стакан какие-то капли из пузырька. Я спросила, зачем, и она сказала, что хочет выпить их от головной боли. А сама потом дала этот стакан Дездемоне.

ЭМИЛИЯ. Врешь ты все. Не было никакого стакана и никаких капель.

БЬЯНКА. Да? А это что? *(Вынимает из-за корсажа и показывает всем пузырек.)*

ЭМИЛИЯ. Где ты его взяла? Дай сюда! *(Хочет отобрать пузырек, но его перехватывает Кассио.)*

КАССИО. Эмилия, что это?

ЭМИЛИЯ. Обыкновенное снотворное.

КАССИО. Зачем ты дала его Дездемоне?

Эмилия молчит.

Ну, отвечай же!

ЭМИЛИЯ. Чтобы она в полусне провалила сцену и чтобы ее сняли с роли.

ЯГО. Вот она и уснула – вечным сном.

ЭМИЛИЯ. Я тут ни при чем. Средство это, правда, довольно сильное, но в малых дозах оно безвредно, Покажите его любому врачу, он подтвердит.

ЯГО. *(Рассматривая пузырек.)* Но пузырек пуст. Показывать нечего.

ЭМИЛИЯ. Как «пуст»? *(Бьянке.)* Куда ты вылила остальное?

БЬЯНКА. *(Неуверенно.)* У меня тоже болела голова, и я решила принять несколько капель.

ЭМИЛИЯ. «Несколько капель»! Да там оставалась полпузырька! Не пудри нам мозги про свою голову. Пустая голова никогда не болит. Куда ты вылила капли?

ЯГО. В тот же стакан, куда же еще.

БЬЯНКА. *(Смущенно, но и с вызовом.)* Да, в тот же стакан. Ну и что?

КАССИО. А что будет, если принять это лекарство в больших дозах?

ЭМИЛИЯ. Оцепенение и похолодание тела, исчезновение пульса, ну и... при достаточных количествах... *(Умолкает.)*

Пауза.

ЛОДОВИКО. Боюсь, Эмилия, придется тебе с Бьянкой за это отвечать.

ЭМИЛИЯ. Мне? А кто меня просил вывести Дездемону из строя? Не вы ли сами, любезный синьор Лодовико?

ЛОДОВИКО. *(Смущенно.)* Ну... Действительно, мне хотелось отобрать у Дездемоны роль, и для этого нужен был повод...

ЭМИЛИЯ. Отобрать роль, чтобы дать ее Бьянке? И для этого я тебя послушалась и взяла на себя всю эту грязь?

ЛОДОВИКО. Но ты говорила лишь о легком снотворном, а не о сильном яде. Я очень сожалею.

ЭМИЛИЯ. Нет, милый, сожалениями не отделаешься. Если уж придется отвечать, то всем вместе.

ЯГО. *(Лодовико.)* А вы, оказывается, умеете режиссировать лучше, чем я думал.

Лодовико не отвечает.

БЬЯНКА. Но ведь, в конечном счете, Дездемону убил все-таки Отелло. Зарезал ее кинжалом. Мы все видели рану.

КАССИО. Но кинжал-то у него был бутафорский.

ЯГО. Нет, Кассио, клинок был настоящий, и ты это прекрасно знал.

КАССИО. *(Теперь и он смущен.)* Почему ты так решил?

ЯГО. Потому что я видел, как перед началом сцены ты ловко подменил кинжал. Бедняга Отелло этого и не заметил. Мог, кстати, в жару вдохновения зарезать и себя.

КАССИО. Да, подменил, не отрицаю. Хотел подшутить.

ЯГО. Хороша шутка, нечего сказать.

КАССИО. Но и ты хорош. Все видел, все знал, и промолчал.

Яго не отвечает. Пауза.

ЛОДОВИКО. Одного не могу понять. Как Дездемона, после того как ее отравили, задушили и зарезали, смогла еще простонать «Безвинно умираю»?

ЭМИЛИЯ. Это я подавала за нее голос из-за полога.

Тяжелое молчание.

БЬЯНКА. А что мы все так переживаем? Что сделано, то сделано. Все мы хотели одного: снять Дездемону с роли, – и все закончилось отлично. Тела ее тут нет, мы ничего не видели и ничего не знаем. Да и вообще ничего не произошло.

ЛОДОВИКО. Это верно. Зачем нам обвинять друг друга, зачем выяснять, зачем ссориться? Что это даст?

ЯГО. Ничего.

ЭМИЛИЯ. А что же нам все-таки делать?

КАССИО. Что делать? Сядем за стол и продолжим наш фуршет.

БЬЯНКА. Прекрасная идея!

Все усаживаются за стол.

КАССИО. *(Поднимая бокал.)* Выпьем и все забудем!

Все с воодушевлением пьют.

ЛОДОВИКО. Теперь насчет завтра. Я еще раз хочу подчеркнуть идею моего спектакля.

ЯГО. Нашего спектакля.

ЛОДОВИКО. Пусть будет нашего. В обществе сейчас царят зависть, агрессивность, враждебность, которые часто скрываются под личиной лицемерного дружелюбия. Вот

про это мы и должны играть пьесу.

ЯГО. (*Равнодушно-вежливо.*) Да-да, мы постараемся.

ЛОДОВИКО. Может быть, вам эта идея кажется неинтересной, но лично мне она дорога.

Своей игрой мы обязаны нести в мир добро, любовь и понимание.

КАССИО. (*Жуя колбасу.*) Обязательно будем нести.

ЭМИЛИЯ. Лично мне плевать на идею. То есть, я хочу сказать, что я согласна на любую идею. Мне гораздо важнее знать, кто все-таки завтра будет играть Дездемону.

БЬЯНКА. Дорогая, этот вопрос уже решен. Дездемону буду играть я. А ты будешь играть Эмилию, как и раньше. Временами у тебя это неплохо получается. Только питья мне подавать не надо.

ЭМИЛИЯ. Лодовико, кто у нас распределяет роли – вы или эта сороконожка?

БЬЯНКА. У меня, с твоего позволения, только две ноги.

ЭМИЛИЯ. Зато ты их раскидываешь сорок раз в день.

БЬЯНКА. Просто, в отличие от тебя, я пользуюсь спросом. Я думаю, когда-то, очень давно, когда ты была молодая и симпатичная, мужчины тоже тебя не чурались.

ЭМИЛИЯ. Смейся, дуручка. Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда завтра я буду играть Дездемону.

БЬЯНКА. Ты ошибаешься, дорогая. Дездемоной буду я!

Сильно прихрамывая, входит женщина в рваном сером халате. На лбу у нее большой пластырь, под глазом синяк, рука висит на «лангетке», нога забинтована.

ЖЕНЩИНА. Вы обе ошибаетесь. Дездемоной буду я!

Все поражены.

ЭМИЛИЯ. Дездемона?

БЬЯНКА. Дездемона!

ВСЕ (*Вместе.*) Дездемона!!!

ДЕЗДЕМОНА. (*Торжествующе.*) Да, Дездемона!

ЛОДОВИКО. (*Лепечет.*) Как я рад вас видеть!

ДЕЗДЕМОНА. Лодовико, что вы бездарный режиссер, это знают все, но и как актер вы совсем никуда не годитесь. Даже не можете изобразить радость от моего появления.

БЬЯНКА. Значит, вы живы?

ДЕЗДЕМОНА. Быстро снимай мою рубашку, шлюха!

БЬЯНКА. (*Испуганно.*) А я в чем же буду? На мне даже нет белья.

ДЕЗДЕМОНА. Не станешь же ты нас уверять, что стесняешься?

БЬЯНКА. Нет, конечно. (*Жалобно.*) Но мне холодно.

ДЕЗДЕМОНА. (*Снимает с себя больничный халат, обнажая при этом кровавый шрам, и швыряет его Бьянке.*) Перестань болтать и делай, что тебе говорят. Живо!

Бьянка поспешно скидывает с себя рубашку, надевает халат и возвращает рубашку Дездемоне, которая надевает ее.

КАССИО. (*Беззаботным тоном.*) А мы сидим тут, празднуем премьеру и удивляемся: куда это пропала наша дорогая Дездемона?

ДЕЗДЕМОНА. А я, после всего, что произошло, уже ничему не удивляюсь. Я давно знала всем вам цену, но теперь вы себя показали во всей красе.

ЯГО. А что, собственно, с вами произошло?

ДЕЗДЕМОНА. А вы не знаете?

ЯГО. Откуда нам знать?

ДЕЗДЕМОНА. И вправду, откуда? Ну что ж, я вам расскажу. В финальной сцене я вдруг почувствовала страшную сонливость и думала только о том, как бы додержаться до

конца спектакля. Последнее, что я помню, это удар кинжалом. Хорошо, что на мне был корсет, и кинжал соскользнул вбок. Потом я потеряла сознание и очнулась, лежа раздетая на мостовой, умирая от холода и истекая кровью. К счастью, меня увидел какой-то прохожий и вызвал скорую помощь. Это меня спасло.

ЭМИЛИЯ. Какое счастье!

ДЕЗДЕМОНА. *(Сладким голосом.)* Кстати, Эмилия, дорогая, у тебя очень симпатичное платье. Ты не хочешь мне его подарить? *(Жестко.)* Прямо сейчас.

ЭМИЛИЯ. *(Смутившись.)* Да, конечно. *(Суетливо снимает с себя платье Дездемоны.)*

ДЕЗДЕМОНА. Может, ты заодно снимешь и парик?

ЭМИЛИЯ. А разве он еще на мне? Извините, я и забыла. *(Снимает парик.)*

ДЕЗДЕМОНА. А где мои бриллианты?

Яго вынимает из кармана кольцо и серьги и отдает их Дездемоне.

Спасибо, остальные вещи отнесите обратно в мою примерку.

ЭМИЛИЯ. Мы просто взяли их, чтобы никто не украл.

ДЕЗДЕМОНА. Я понимаю. Пока вы сейчас выясняли отношения, я стояла за кулисами и слушала. Так что теперь я знаю, как вы меня любите. Сначала отравили, потом задушили, потом закололи, потом ударили головой о капот, а потом бросили подышать на улице. Такому сюжету и Шекспир бы позавидовал. Но вы об этом пожалеете.

КАССИО. Вы нас выдадите?

ДЕЗДЕМОНА. Зачем? Я отомщу страшнее.

БЪЯНКА. *(В ужасе.)* Неужели заставите нас оплатить лечение?

ДЕЗДЕМОНА. Это само собой. Но это еще не все.

ЭМИЛИЯ. Значит, все-таки донесете?

ДЕЗДЕМОНА. Если я донесу, то вас всех посадят, и спектакль придется закрыть. А я хочу играть. Не для того я сбежала из больницы и не для того я долгие месяцы репетировала, чтобы лишиться этой звездной роли. Я завтра буду играть. Вернее, сегодня, потому что сейчас уже утро. Дездемоной буду я. Я буду Дездемоной! Дездемоной буду я!

ЛОДОВИКО. Это невозможно! Как вы будете играть Дездемону в таком виде? С синяком под глазом, вся в бинтах, со сломанной рукой, хромая...

ДЕЗДЕМОНА. Вот так и буду.

ЛОДОВИКО. Что подумает публика?

ДЕЗДЕМОНА. Публика подумает, что Отелло каждый вечер избивает свою жену и, в конце концов, решил ее задушить. Все, как у людей.

ЛОДОВИКО. Но у меня совсем другая трактовка!

ДЕЗДЕМОНА. Чихать я хотела на вашу трактовку. Моя лучше.

ЯГО. В этом и будет заключаться ваша месть?

ДЕЗДЕМОНА. А чем эта плоха? Я буду играть каждый вечер, во всех спектаклях и только в главных ролях. Вы будете медленно умирать от злобы и черной зависти, а я буду этим наслаждаться. И попробуйте только пикнуть хоть одно слово против. Я вас в порошок сотру. *(Меняя тон.)* Дайте хоть выпить, черт вас возьми! Я же еле на ногах стою.

Все с готовностью подвигаются, освобождая Дездемоне место. Лодовико подает ей стул, Кассио наливает в бокал вино, Бьянка ставит перед ней тарелку и вилку, Эмилия накладывает закуску.

ЯГО. За что пьем?

ЭМИЛИЯ. Ясно, за что! За здоровье Дездемоны!

КАССИО. За здоровье нашей красавицы Дездемоны!

Входит Отелло. Он в некотором недоумении, но бодр и весел.

ОТЕЛЛО. Представляете, что со мной случилось? Просыпаюсь – а я почему-то на диване в вахтерке. Как я там оказался? Иду сюда – а вы все почему-то здесь. *(Дездемоне, очень дружелюбно и спокойно.)* Дездемона, привет! Как дела?

ЯГО. Ты ничего не помнишь, что ли? У нас же был фуршет после премьеры.

ОТЕЛЛО. *(Озадаченно.)* Правда? Я помню только, что мы много пили и что всем нам было очень весело. Славно поспраждновали, правда?

ДЕЗДЕМОНА. Очень славно. А теперь пора и по домам. Мне надо отдохнуть перед спектаклем.

Все делают движение, чтобы уйти.

ОТЕЛЛО. Уже? Пойдите! Сначала поднимем еще один бокал!

ЛОДОВИКО. Надеюсь, последний?

ОТЕЛЛО. Там видно будет. *(Стоя, с бокалом в руках.)* Мы с вами как одна семья, да и вообще все люди братья. Вот и давайте выпьем за наше братство, за добро, ну, в общем, за все лучшее, что нас объединяет! Короче говоря, за любовь!

БЬЯНКА. За любовь!

Все чокаются и пьют.

ДЕЗДЕМОНА. И все-таки Дездемоной буду я!!

Конец спектакля. Актеры выходят на хорошо срежиссированные поклоны по уже знакомой нам схеме, но уже вместе с Дездемоной.

Занавес

Послесловие автора

Возможно, сцена из «Отелло» в начале пьесы покажется кому-то довольно длинной, но тому есть несколько причин.

Во-первых, зрителю надо напомнить сюжет «Отелло» и познакомить с персонажами трагедии. Если некоторым зрителям еще смутно помнится, что Дездемона умирает, потому что ее задушил Отелло (что тоже не совсем верно), то об остальных персонажах (Эмилия, Бьянка, Лодовико и пр.) они навряд ли имеют хоть малейшее представление.

Во-вторых, сцена эта на самом деле изменена по сравнению с шекспировским текстом в соответствии с сюжетом нашей пьесы (она сокращена, в ней отсутствует массовка, Эмилия у Шекспира не дает Дездемоне напиток, в сцену введена Бьянка, чтобы познакомить с нею зрителя и пр.).

В-третьих, надо дать контраст между игрой артистов на сцене и в жизни, между высоким накалом страстей шекспировских героев и мелкими страстишками исполнителей их ролей.

В-четвертых и главное: в этой сцене разыгрывается не только шекспировский сюжет, но приводятся в исполнение планы артистов по устранению конкурентки, т.е. продвигается сюжет нашей пьесы. И эту линию, поначалу не понятную и не заметную зрителю, надо осуществить при постановке.

Классические пьесы принято теперь разыгрывать в современных костюмах и обстановке. В нашем случае действует обратный прием: современная реальность разыгрывается в костюмах эпохи Возрождения. Поэтому «осовременивать» шекспировскую сцену ни в коем случае не следует.

И еще: не следует рассматривать эту комедию как реалистическую "пьесу про театр" или "пьесу про актеров". Это пьеса про нашу жизнь, "черная" комедия про наши слабости и пороки со свойственной этому жанру гиперболичностью и заостренностью. Театр выбран местом действия лишь потому, что позволяет усилить игровой и комедийный элемент, ввести "игру в игре", придать пьесе более яркую зрелищность. Пьесу не пишут про шахтеров, летчиков или актеров. Предмет ее – человек.